АННА КЭТРИН ГРИН

ЗОЛОТАЯ ТУФЕЛЬКА

18+

Анна Грин

Золотая туфелька. Расследования Вайолет Стрейндж

«Автор»
2026

Грин А.

Золотая туфелька. Расследования Вайолет Стрейндж / А. Грин — «Автор», 2026

Для нью-йоркского света Вайолет Стрейндж - юная красавица, занятая балами и приемами. Почти никто не знает, что она тайно выполняет поручения сыскного агентства. Украденная драгоценность, исчезнувшее завещание, пропавшая страница с ценной формулой - за каждой загадкой скрываются чужие судьбы. Вайолет умеет слушать, замечает то, что ускользает от других, и не спешит верить очевидному. Но некоторые открытия даются слишком дорогой ценой. И у самой девушки есть тайна: зачем наследнице богатого дома понадобилось зарабатывать таким необычным способом?Девять рассказов Анны Кэтрин Грин о семейных тайнах, ревности и цене доверия. Полный сборник в новом переводе на русский язык со 130 иллюстрациями.

© Грин А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Золотая туфелька 5
Вторая пуля 19
Неуловимая улика 34
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Анна Грин
Золотая туфелька. Расследования Вайолет Стрейндж

Золотая туфелька

— Она здесь! Я так и думал. Видите справа, у самой сцены, ложу с тремя девушками? Она среди них.

Его собеседник, немолодой джентльмен, завсегдатай самых избранных клубов, навёл театральный бинокль на указанную ложу и удивлённо возразил:

— Она? Но там сёстры Пратт и…

— Мисс Вайолет Стрейндж. Именно она.

— И вы хотите сказать…

— Именно.

— …что на вас работает эта глупенькая девчонка? Я знаю её отца и знаю, насколько она богата. Она повсюду бывает, её называют одной из первых красавиц сезона. И она ваш агент? Она…

— Прошу вас, без подобных определений. Вам нужно разгадать тайну. Полиция тут ни при чём — во всяком случае, пока. Вы обращаетесь ко мне, я расспрашиваю вас и узнаю, что в деле замешаны только женщины. Все молоды и все принадлежат к высшему обществу. Разве мужчине под силу разобраться в таком деле? Нет. Против женщин должна действовать женщина, а против молодых — по возможности их ровесница. К счастью, я знаю подходящую девушку: она одарена и занимает в обществе положение, которое как нельзя лучше отвечает нашей цели. Почему она применяет свои способности именно так? Зачем берётся за светские и прочие тайны, если у неё довольно средств, чтобы просто наслаждаться успехом дебютантки? Спросите у неё, не у меня. Если хотите, я обещаю вам её помощь. При одном условии: вы сумеете заинтересовать девушку. Иначе она за дело не возьмётся.

Мистер Дрисколл снова поднял бинокль.

— Но у неё такое забавное лицо, — заметил он. — С её забавной мимикой трудно принять её за умницу. Вы уверены, что ей можно доверить тайну?

— С кем она сейчас?

— С Эбнером Праттом, его женой и дочерьми.

— Разве Пратт станет доверять свои дела кому попало?

— Эбнер Пратт! Значит, Вайолет для него не просто подруга дочерей?

— Судите сами. Видите, как им весело? Ещё вчера у них была большая беда. А сегодня они уже празднуют.

— А она?

— Разве вы не замечаете, каким вниманием её окружают? Пратты известны своей холодностью. Не стали бы они так заботиться о совсем юной девушке, если бы не были ей за что-то благодарны.

— Трудно поверить. Но если ваши намёки верны, устройте мне немедленно разговор с этим юным чудом. Дело серьёзное. Ужин, о котором я говорил, состоится через три дня…

— Знаю. Понимаю, как вам нужна помощь. Но лучше вам попасть в ложу Пратта без моего посредничества. Как только станет известно, что мисс Стрейндж работает с нами, ей будет труднее нам помогать.

— А вот и Рутвен! Он проводит меня в ложу Пратта, — сказал Дрисколл, когда после второго акта опустился занавес. — Что-нибудь посоветуете напоследок?

— Да, и это важно. Когда будете кланяться, коснитесь правой рукой левого плеча. Это условный знак. Возможно, она откликнется. Если нет, не падайте духом. Есть у неё такая странность: на словах она терпеть не может свою работу. Но стоит ей увлечься, и уже ничем не удержишь. Вот и всё. Ах да, ещё одно: ни в коем случае не выдавайте её тайну. Вы помните, это одно из наших условий.

Дрисколл кивнул и отправился к Рутвену в ложу. К началу третьего акта он уже сидел с сёстрами Пратт и их бойкой юной подругой. Вдовцу ещё не исполнилось пятидесяти, и его появление там не осталось незамеченным. Зрители, хорошо знавшие привычки Дрисколла, гадали, ради которой из красавиц-близнецов он от них отступил.

Но случая проявить интерес к одной из сестёр так и не представилось: следом в ложу пришли другие мужчины, помоложе. Зрители видели лишь, что Дрисколлу пришлось довольствоваться обществом очаровательной, но легкомысленной мисс Стрейндж. А он был не из тех, кому могла понравиться её неудержимая болтовня.

Выглядел ли Дрисколл недовольным? Да. Но лишь один человек во всём театре знал причину. Мисс Стрейндж ничем не показывала, что понимает цель его прихода или сочувствует ему. В перерывах между дуэтами и трио она любезно болтала, но заговорить о деле не давала. А ведь она прекрасно знала, чего он хочет: условный знак был подан.

Возможно, такое поведение и отвечало её характеру, но его самого решительно не устраивало. Дрисколл был человеком настойчивым. Улучив минуту, когда всё внимание приковала сцена, он наклонился к девушке и шепнул:

— Я прошу вас помочь моей дочери. Она ничем не хуже любой девушки в этом зале. Выслушайте меня. Уж несколько минут для разговора вы наверняка найдёте.

Вайолет была невысокой, хрупкой девушкой; предельно простой наряд ещё сильнее подчёркивал своеобразие её облика. Среди всех, кто сидел в поднимавшихся ярус за ярусом ложах, не было никого столь необычного. Выражение её лица беспрестанно менялось, ускользало, не давалось разгадке. Она словно искрилась жизнью и на первый взгляд казалась лёгкой, как пух чертополоха, — и нравом, и чувствами. Но не всякий судил о ней так. Тот, кто наблюдал подольше, мог заметить: порой, когда музыка звучала особенно возвышенно, выражение её вечно смеющихся губ выдавало редкую глубину чувств. И тогда сквозь эту причудливую, озадачивающую внешность просвечивало благородство женской души.

Дрисколл это заметил и потому втайне надеялся на благоприятный ответ.

Сначала по её лицу скользнуло неудовольствие — а может быть, всего лишь нервное раздражение. Потом она задала вопрос:

— Что она сделала?

— Ничего. Но о ней распускают злые слухи. Со дня на день дело может дойти до открытого обвинения.

— В чём её обвиняют? — спросила Вайолет почти капризно.

— В… воровстве, — прошептал он. — В крупных кражах, — добавил с нажимом, когда музыка грянула во всю мощь.

— Драгоценности?

— Бесценные. Потом их неизменно кто-то возвращает. Поговаривают, будто это делаю я.

— Вот как! — Руки девушки, до того беспокойно порхавшие над коленями, замерли. — Я приму вас завтра утром у отца, — сказала она немного погодя и всецело обратилась к сцене.

Дня через три мистер Дрисколл принимал именитых гостей в своём доме на Гудзоне. Ему совсем не хотелось привлекать внимание к этому вечеру и давать новый повод для тайных пересудов о дочери. Но посол и его жена были иностранцами: любую попытку уклониться от обещанного приёма они наверняка истолковали бы превратно. Поэтому вечер всё же состоялся, хотя и с меньшей пышностью, чем, возможно, ожидали гости.

Остальные приглашённые были в основном молоды, хорошо знали этот дом и радушие хозяев. Среди них своей живостью выделялась мисс Стрейндж. С Алисией Дрисколл она прежде знакома не была, но так хорошо умела держаться в подобном обществе, что величавая молодая хозяйка явно обрадовалась её появлению и не скрывала благодарности.

Их первая встреча произошла необычно и по крайней мере для одной из девушек представляла немалый интерес. Мисс Стрейндж приехала на автомобиле. Ей показали комнату, но затем проводить её вниз оказалось некому. Вайолет одна вышла в большой холл и направилась к приоткрытой двери библиотеки. Лишь распахнув её наполовину, девушка заметила, что в комнате уже кто-то есть. Так она нечаянно стала свидетельницей прекрасной сцены юности и любви.

В свете ярко пылавших поленьев стояли юноша и девушка. Оба молчали, но их лица, озарённые страстью, выражали такое глубокое и искреннее чувство, что незваная гостья замерла на пороге. Ей хотелось запечатлеть увиденное в памяти, где уже хранилось немало прекрасных и трагических картин, и число их быстро росло. Вайолет отступила, а затем подошла снова, на этот раз ступая громче. Теперь перед Вайолет стояли капитан Холлидей с гордой выправкой, подобающей его чину, и Алисия, образованная и светски воспитанная дочь хозяина. Если на девушку и падала тень, как многие шептались, она носила её так, как иные женщины носят корону.

Мисс Стрейндж была очарована обоими и заговорила с ними с привычным обаянием и живостью. А сама всё думала: «Знает ли она, зачем я здесь? Или считает меня ещё одной гостьей, которую навязал ей беспечный отец?»

Приветливая, но сдержанная молодая хозяйка ничем себя не выдала. С той минуты, как Вайолет увидела чувство, осветившее лица этой пары, её занимала одна мысль. При первой возможности она вновь обдумала всё, что рассказал мистер Дрисколл, пытаясь найти объяснение, при котором Алисия оставалась бы невиновной. Теперь Вайолет не могла верить иначе.

А между тем факты говорили против Алисии, и весьма убедительно.

Около двух лет назад мисс Дрисколл и ещё четыре девушки её круга создали тесную компанию, которую называли «Неразлучными». Они вместе завтракали, ездили верхом, ходили в гости. Привязанность их была так сильна, а потребность друг в друге так очевидна, что вскоре всех пятерых стали приглашать вместе, если позволяло число гостей. Их то и дело видели одной группой на приёмах, в церкви, где они шли друг за другом по проходу, на балах и светских собраниях. Никто не возражал: все пятеро были красивы и привлекательны.

Но затем люди начали замечать: стоило девушкам появиться, как из гардеробной или со стола со свадебными подарками исчезала какая-нибудь ценная вещь. Там, куда они приходили, ничто не было в безопасности. Со временем каждая пропажа возвращалась к владельцу столь же таинственно, как прежде исчезала. И всё же пересуды росли.

Справедливо или нет, подозрения наконец сосредоточились на мисс Дрисколл. Она была самой видной из пяти, и деньги меньше всего могли её соблазнить. При этом никто из подруг не держался и не говорил с таким достоинством.

Вайолет рассказали несколько случаев, чтобы яснее обрисовать положение. Однажды компания из двенадцати человек отправилась в театр; все пятеро «Неразлучных» были среди гостей. Во время последнего акта дама, сопровождавшая девушек, обнаружила, что пропал её кружевной носовой платок, стоивший баснословно дорого. Она не сомневалась, что принесла его в ложу, и велела всё тщательно обыскать. Безуспешно. Вспомнив дошедшие до неё шепотки, дама отметила, кто из пятерых сидел рядом. В её ложе находились мисс Дрисколл, мисс Хьюсон, мисс Йейтс и мисс Бенедикт. Мисс Уэст сидела в соседней.

Через две недели платок нашёлся. И где же? Среди подушек жёлтой атласной кушетки в собственной гостиной этой дамы. «Неразлучные» только что нанесли ей визит. На кушетке сидели трое: мисс Дрисколл, мисс Хьюсон и мисс Бенедикт.

Следующий случай ещё определённее указывал на мисс Дрисколл. Мисс Йейтс собиралась купить дорогой подарок, и в «Тиффани» отправились сразу все пятеро «Неразлучных». Перед ними поставили поднос с кольцами. Девушки рассматривали украшения, с увлечением перебирали их, и наконец мисс Йейтс выбрала изумруд в прекрасной оправе. Она уже повела подруг к выходу, когда продавец вдруг шепнул мисс Йейтс: «Одного кольца не хватает». От потрясения мисс Йейтс не могла вымолвить ни слова. Она обернулась к четырём спутницам, ища ответа в их лицах, но те смотрели на неё с невозмутимым спокойствием. Правда, одна была бледнее обычного: мисс Дрисколл держала руки в муфте и вынимать их не собиралась. Отец мисс Йейтс за неделю до того заключил крупную сделку. Девушка резко повернулась к продавцу: «Запишите на мой счёт! По полной стоимости. Я покупаю оба кольца».

А спустя три недели украденное кольцо вернулось к ней в коробке с фиалками. Имени отправителя не было.

Третий случай произошёл совсем недавно. О нём мистер Дрисколл услышал прямо от дамы, потерявшей вещь. Эта честная и принципиальная женщина сочла своим долгом рассказать ему следующее.

Выйдя с приёма в художественной мастерской, она стояла у тротуара и ждала такси. Вдруг с другой стороны улицы подбежал мальчишка, сунул ей в ладонь что-то маленькое и твёрдое и, уже убегая, выпалил: «Это ваше, мэм! Вы обронили!»

Дама удивилась: она не замечала никакой пропажи. В руке оказался медальон, который она иногда носила на цепочке у пояса. Но в тот день его на ней не было. Да она уже несколько недель его не надевала! Тут дама вспомнила: месяц назад она носила этот медальон на таком же приёме в той же мастерской. Вокруг стояли девушки и любовались украшением. Кто именно, она помнила прекрасно: конечно, «Неразлучные». Чтобы сделать им приятное, дама сняла медальон с цепочки. Затем что-то отвлекло её, и она уехала без медальона. Она так и не вспомнила об украшении — до этой минуты.

Убрав украшение в сумочку, дама торопливо огляделась. За спиной толпились люди, никого не разглядеть. Зато напротив, через улицу, находился клуб. В одном из окон виднелась одинокая фигура: человек смотрел на улицу. Это был отец мисс Дрисколл. Он мог себе представить, какой вывод сделала дама.

Напрасно Дрисколл уверял, что ничего об этом не знает. Дама рассказала ему о других дошедших до неё случаях: столь же загадочных кражах и столь же странных возвращениях пропаж. А закончила словами: «Это ваша дочь. И люди уже начинают говорить об этом».

Размышляя над этими историями, мисс Стрейндж пришла бы к тому же выводу, если бы не безмятежность Алисии Дрисколл и её безоглядная влюблённость. Ни то ни другое, казалось, не вязалось с виной. Вопреки всем уликам, это говорило о невиновности. Вайолет приехала сюда её доказать — если повезёт и безумие истинного виновника вновь даст о себе знать.

Повторить старую уловку на таком заметном приёме и тем самым привлечь к себе внимание было бы безумием даже для самого опытного вора. Но именно потому, что для этого требовалось безумие, а безумие не знает законов, Вайолет готовилась и к такому повороту. Всё это она скрывала за девичьими улыбками, к удовольствию и немалому изумлению тревожного хозяина, не спускавшего с неё глаз.

Если не считать бриллиантов на жене посла, за ужином в тот вечер было лишь одно по-настоящему примечательное украшение. Но какое! И как великолепно оно сияло на белоснежной шее своей владелицы!

В честь знатных иностранных гостей мисс Стрейндж надела семейную реликвию: ажурную подвеску с необыкновенными сапфирами, некогда принадлежавшую Марии-Антуанетте. Женщины залюбовались её красотой; хозяин оценил стоимость. И невольно принялся тревожно оглядывать сидевших за столом, ища хоть какой-то признак алчности, которую у одного из гостей наверняка пробудило это неожиданное зрелище.

Первым делом он, разумеется, посмотрел на Алисию, сидевшую напротив, на другом конце стола. Но она глядела в иную сторону и улыбалась капитану Холлидею. Отец перевёл взгляд дальше и стал по очереди вглядываться в лица девушек. Все смотрели на мисс Стрейндж и её драгоценности. У одной щёки пылали, другие были бледны — но от страха или от жадного желания? Кто мог знать? Дрисколла мучили дурные предчувствия, однако он помнил об обязанностях хозяина и заставил себя отвести глаза. Он не позволил себе даже задуматься, зачем гостья выставила такое искушение и разумно ли поступила.

Два часа спустя девушки собрались в одной комнате. У «Неразлучных» было заведено поболтать перед сном, но только впятером и непременно у кого-нибудь из своих. В этот вечер

всё пошло по-новому. Мало того что Вайолет приняли в их круг — собрались в её комнате. Девушек она умела покорять ещё вернее, чем мужчин. Над ней могли смеяться, её могли критиковать и даже награждать презрительными прозвищами. Но надолго в одиночестве не оставляли и не упускали случая послушать её неугомонную болтовню.

Вайолет была довольна, что попала в этот замкнутый круг, но оттого не стала менее забавной. Она без конца хлопотала, готовясь ко сну, порхала по комнате и рассказывала одну историю за другой. Старинную подвеску, которой уже вдоволь налюбовались и которую все подержали в руках, она сняла. Затем с беззаботностью человека, не сомневающегося в сохранности своего добра, бросила её на край комода — совсем близко от открытого окна.

— Неужели ты так и оставишь своё украшение здесь? — шепнул кто-то Вайолет на ухо, когда очередная её острота вызвала взрыв смеха.

Вайолет обернулась и широко раскрыла глаза, изображая удивление. На неё серьёзно смотрела мисс Хьюсон.

— А что такого? — беспечно ответила Вайолет и продолжила рассказ с непринуждённостью человека, совершенно не привыкшего задумываться о последствиях.

Мисс Хьюсон больше не возражала. Как объяснить свою тревогу девушке, которая, по-видимому, ничего не знает о скандале вокруг их тесной компании?

Да, Вайолет оставила подвеску на комоде. Зато дверь заперла, и так быстро, что остальные наверняка ещё не успели разойтись по комнатам и услышали, как она запирает дверь.

Затем Вайолет подошла к окну. Оно, как и все окна на этой стороне, выходило на балкон, тянувшийся вдоль всего дома. Об этом балконе Вайолет знала; знала и то, что комнаты вдоль примыкавшего к нему коридора занимают только девушки. Но все ли пятеро получили комнаты в этом коридоре? Вдруг кто-то из них поселился в другом месте — например, мисс Дрисколл? Нет, тревога за сохранность подвески исключала такое предположение. По крайней мере молодая хозяйка могла добраться сюда, к открытому окну. А остальные?

Возможно, свет в комнатах даст ответ. Вайолет нетерпеливо выглянула наружу и окинула взглядом весь балкон. Его пересекли две отдельные полосы света, затем третья. Пришлось немного подождать, прежде чем появилась четвёртая. Пятой так и не было. Это её встревожило, но не слишком: две девушки могли спать в одной постели.

Опустив штору, Вайолет закончила приготовления ко сну. Уже в кимоно она взяла подвеску и положила в маленькую коробочку, которую достала из дорожного сундука. На губах появилась странная, насмешливая улыбка — за весь день ни мужчины, ни женщины такой у неё не видели. Тонкими пальцами она медленно и задумчиво поворачивала украшение в коробочке. Затем быстро осмотрела его и вернула на прежнее место, на самый край комода. «Лишь бы хватило безрассудства!» — словно говорила эта улыбка. Да, надежда была слишком смелой. Но шанс оставался шансом. Утешив себя этой мыслью, мисс Стрейндж погасила свет, быстро приподняла опущенную прежде штору и в последний раз взглянула на пейзаж.

От увиденного она вздрогнула. Вдали над лугами поднимался низкий туман; призрачный в лунном свете, он будил в её возбуждённом воображении всевозможные жуткие образы. Спасаясь от них, Вайолет забралась в постель и стала смотреть на край комода. Одна створка высокого двустворчатого окна была закрыта и зашторена. Другую Вайолет оставила приоткрытой — оттуда можно было беспрепятственно дотянуться до драгоценностей. Взгляд её то задерживался на сапфирах, мерцавших в лунном свете, то снова устремлялся к узкой щели.

Но ничего не происходило. Пробило два, затем три часа, а голубые искры на краю комода сияли по-прежнему. Вдруг Вайолет села в постели. Она ничего не услышала — просто в голову пришла мысль.

— Если кто-нибудь попытается, то это будет… — тихо прошептала она и не договорила.

Нечто, что даже звуком было не назвать, заставило её сердце бешено забиться. Она вслушивалась, всматривалась и мысленно следила за почти неслышными шагами, приближавшимися по балкону. Казалось, шаги уже совсем рядом. Вайолет боялась пошевелиться и смотрела на штору: она так и не подняла её над створкой, которую прежде с осторожностью закрыла. Вот-вот на ткань должна была лечь тень.

Наконец по слабо освещённой ткани медленно поползла тень. Силуэт едва угадывался; отчётливо выделялась лишь протянутая рука. Тень миновала край рамы и, нерешительно останавливаясь, приблизилась к открытой щели. За ней ровно сияли оставленные без присмотра сапфиры. Покажется ли сама рука между комодом и оконной рамой? Да, вот она: маленькая, изящная, поразительно белая. Проскользнула в щель, метнулась к комоду, стремительная, как змеиный язык, и исчезла, сжав подвеску.

Приманку взяли. Случилось то, на что Вайолет едва смела надеяться. Вайолет была ещё совсем молода и, поняв, что произошло, невольно вздохнула. Ночной гость бросился прочь, а сама она так испугалась собственного вздоха, что в ужасе откинулась на подушку.

По дому разлился мелодичный звон, созывавший к завтраку. Посол с женой уже спустились, как и большинство молодых гостей. Не было лишь дочери хозяина и мисс Стрейндж, от которой скорее можно было ожидать, что она явится первой.

Отсутствие обеих тревожило мистера Дрисколла. Что оно могло предвещать? Впрочем, по крайней мере одна тревога вскоре рассеялась. Гости ещё не успели как следует рассесться, когда с террасы вошла мисс Дрисколл в сопровождении капитана Холлидея. Она несла в охапке огромный букет роз и была очень красива. У отца потеплело на сердце. Казалось, ночь не принесла ей никаких тревог.

Но мисс Стрейндж! Где же она? Пока Дрисколл этого не узнает, ему не успокоиться.

— Кто-нибудь видел мисс Стрейндж? — спросил он, когда все сели за стол, и посмотрел на «Неразлучных».

Пять хорошеньких головок покачнулись в ответ: кто-то беспечно, кто-то с удивлением, а одна девушка при этом быстро, натянуто улыбнулась. Но Дрисколлу было не до таких различий. Он уже подозвал слугу, когда у двери послышались шаги. Опоздавшая проскользнула в столовую и заняла своё место. Вид у неё был сконфуженный, словно она провинилась куда серьёзнее, чем просто задержавшись к завтраку. Девушка казалась даже испуганной: смотрела в тарелку, ни с кем не встречалась взглядом — на неё это было совсем не похоже.

Что случилось? И почему, пока она едва притрагивается к еде, четверо «Неразлучных» обмениваются тревожными, растерянными взглядами, а затем все смотрят на его дочь? Алисия, казалось, ничего не замечала. Она сидела, свежая и цветущая, приколов к груди пышный букет роз. Это немного утешало отца. Почётные гости оживлённо беседовали, но для Дрисколла завтрак всё равно стал испытанием.

А к тому, что ждало после отъезда знатной четы, он оказался совершенно не готов. Войдя в библиотеку, Дрисколл увидел там мисс Стрейндж. Она прятала одну руку за спиной; на её детском личике застыло жалобное выражение.

— Ах, мистер Дрисколл, — начала она, и тут он заметил за её спиной встревоженных девушек, — моя подвеска! Моя чудесная подвеска пропала! Ночью кто-то протянул руку с балкона и взял её с комода. Конечно, меня просто хотели напугать. Все девушки говорили, чтобы я её там не оставляла. Но я… я никак не могу добиться, чтобы мне её вернули. Папа так дорожит этим украшением, что я боюсь ехать домой. Скажите им, пожалуйста, что это уже не шутки! Помогите мне получить её обратно. Больше я не буду такой беспечной.

Дрисколл едва верил глазам и ушам: до чего же она походила на избалованного ребёнка, которого поймали на шалости! Он строго оглядел девушек и велел немедленно прекратить шутку и вернуть драгоценности.

Но никто не ответил и не двинулся с места. Только его дочь побледнела так, что розы на её груди казались насмешкой. Алисия смотрела на него большими неподвижными глазами; выдержать этот взгляд было почти невыносимо.

От душевной боли Дрисколл сделался резок и громко воскликнул странным, охрипшим голосом:

— Это сделала одна из вас. Кто? Если ты, Алисия, скажи. Мне сейчас не до шуток. Я хочу знать, кто прошёл по балкону и чья рука взяла эти драгоценности.

Молчание затягивалось и становилось мучительным для всех. Мистер Дрисколл оглядывал девушек, с трудом скрывая страдание. Затем повернулся к мисс Стрейндж — и растерялся ещё больше: она опустила хорошенькую головку и смущённо потупилась.

— О, узнать, кто прошёл по балкону, нетрудно, — пробормотала она. — Ведь там осталось вот это.

Она вынула из-за спины руку и показала маленькую золотистую туфельку.

— Я нашла её под своим окном. Надеялась, что не придётся её показывать.

Среди девушек кто-то судорожно ахнул, не сумев сдержаться. Затем всё стихло.

— Не узнаю, — сказал мистер Дрисколл, беря туфельку. — Чья она? — спросил он тоном, не допускавшим возражений.

Ответа по-прежнему не было. Дрисколл продолжал переводить взгляд с одной девушки на другую, и вдруг раздался голос, который он меньше всего ожидал услышать. Его дочь воскликнула:

— Моя. Но по балкону в ней ходила не я.

— Алисия!

В этом крике звучала вся тревога последнего месяца. Молчание, сдерживаемые чувства, наполнившие комнату, стали невыносимы. И тут тишину нарушил звонкий девичий смех.

— Ах вы! — лукаво воскликнула Вайолет. — Я так и знала, что вы все заодно! Но той, которая надела туфельку и схватила подвеску, спрятаться не удастся. Её выдадут кончики пальцев.

Все лица выразили изумление. Чья-то полускрытая рука судорожно дёрнулась.

— Знаете, — с прежней беззаботностью продолжала Вайолет, — у меня бывают ужасно смешные затеи. Меня всё время за них бранят, а я никак не исправлюсь. Вот, например, я чищу драгоценности одной необычной заграничной пастой. Когда-то в Париже мне её дала старая француженка. Она ярко-красная и, если не поберечься, ужасно красит пальцы. Её следы даже водой не смыть. Взгляните на мои пальцы. Вчера вечером, сразу после вашего ухода, я намазала ею подвеску. Очень хотелось спать, и я не стала стирать пасту. Если кончики пальцев у вас не красные, мисс Дрисколл, значит, вы подвеску не трогали. Ах, посмотрите! Они белые как молоко.

— Но ведь кто-то взял сапфиры! И пожурить надо не только меня, но и эту особу. Это вы, мисс Хьюсон? Или вы, мисс Йейтс? Или… — Тут Вайолет остановилась перед мисс Уэст. — Ах, вы в перчатках! Так это вы виноваты!

Смех её зазвенел колокольчиком, и в следующих словах не прозвучало ни капли язвительности:

— Ну и хитрюга! Как же вы меня провели! Кто бы подумал, что именно вы способны на такую проделку!

В самом деле, кто бы подумал? Из всех пятерых именно она считалась вне подозрений с того вечера, когда пропал платок миссис Барнум: ведь в той ложе её не было. Те, кто прежде косился на мисс Дрисколл, теперь с удивлением посмотрели на мисс Уэст. И уже не могли отвести глаз: её тонко очерченное лицо словно окаменело.

— Мисс Уэст, вы ведь охотно снимете перчатки? — вмешался Дрисколл, стараясь говорить спокойно, хотя облегчение было слышно в голосе. — Мисс Стрейндж, конечно, вправе узнать, кто её так мучил.

Но девушка стояла неподвижно, холодная, словно застывшая. Шутливый тон её не обманул. Она понимала: для всех остальных, пусть и не для странной маленькой дочери Питера Стрейнджа, происходящее означало разоблачение воровки — вот так, под весёлый смех. Взгляд мисс Уэст ожесточился, губы посерели. Все смотрели на её руки, но перчаток она не сняла.

— Вам незачем смотреть на мои руки. Я признаю, что взяла подвеску.

— Кэролайн!

Алисия вскрикнула от потрясения. Мисс Уэст презрительно посмотрела на свою ближайшую подругу.

— Мисс Стрейндж назвала это шуткой, — холодно заметила она. — Зачем же ты намекаешь на что-то более серьёзное?

Та, кому Алисия доверяла больше всех, теперь загнала её в угол. Девушка быстро шагнула вперёд, дрожа от смутных подозрений. Неужели возможно то, о чём она прежде и помыслить не могла? В ужасе она проговорила:

— Но прошлой ночью мы спали не вместе. Чтобы взять мои туфли, тебе пришлось зайти в мою комнату. Зачем ты это сделала? Что ты задумала, Кэролайн?

В ответ Кэролайн пристально посмотрела на неё и тихо рассмеялась; смех прерывался от нахлынувших чувств.

— Ты хочешь, чтобы я ответила, Алисия? Или оставим это?

— Отвечайте!

Это был мистер Дрисколл. Алисия отступила почти к самой Вайолет. Маленькая фигурка съёжилась; широко раскрытые глаза смотрели на разгневанного отца едва ли не с ужасом.

— Тогда слушайте, — проговорила загнанная в ловушку девушка, внезапно отчаявшись. — Я надела туфли Алисии и взяла драгоценности, потому что пора было положить конец вашему общему притворству. Всё, что я когда-то к ней чувствовала, она сама, сознательно уничтожила. У меня был любимый человек — она его отняла. Я верила в жизнь, в честь, в дружбу. Она всё разрушила. Воровка — и смеет рассчитывать на его любовь! А вы покрывали её. Вы малодушно возвращали награбленное и думали, что этим всё улажено, что она достойна стать женой человека безупречной чести.

— Мисс Уэст, — таким тоном мистер Дрисколл прежде не говорил никогда, — прежде чем вы произнесёте ещё хоть слово, способное ввести этих девушек в заблуждение, позвольте мне заявить: я ни разу не возвращал похищенных вещей и никак не участвовал в возвращении пропаж. Вы угодили в ловушку, мисс Уэст, и клевета на мою невиновную дочь не поможет вам выбраться.

— Невиновную! — В этом слове вспыхнула вся трагическая сила, таившаяся в натуре этой необычной девушки. — Алисия, посмотри на меня. Ты невиновна? Кто взял кораллы Демпси? А бриллиант с подноса в «Тиффани»?

— Алисии незачем отвечать, — перебил отец с вполне понятным жаром. — Мисс Уэст сама себя уличила.

— А шарф леди Пэджет? Меня в тот вечер там не было.

— Вы изобретательны. Тот, кто задумал столь изощрённую месть, мог устроить и это.

— А платок миссис Барнум за пятьсот долларов могла взять та, что сидела в соседней ложе, — подхватила мисс Хьюсон, отодвигаясь от подруги, за чью честность ещё час назад поручилась бы не задумываясь. — Теперь я вспомнила: она перегнулась через перила, чтобы поправить старой даме шаль.

Кэролайн Уэст вздрогнула и посмотрела на неё с безмерным горем.

— Из-за того, что я сделала прошлой ночью, ты считаешь меня виновной во всём?

— А почему бы и нет?

— И ты, Анна?

— Я сочувствую Алисии, — тихо сказала мисс Бенедикт.

Но Кэролайн, уже не владея собой, продолжала:

— Я ведь сказала, что меня толкнуло на это! Вы не можете поверить, что я виновна в её грехе. Не можете, если посмотрите на неё, как сейчас смотрю я.

Но подруги почти не взглянули туда, куда она указывала. Все они, товарищи её юности, «Неразлучные», связанные тайной клятвой, отстранились от неё. Они лишь начинали постигать всё вероломство случившегося и были потрясены. Отчаяние охватило Кэролайн: ведь эти девушки были всей её жизнью. Одним порывистым движением она бросилась к Алисии и упала перед ней на колени.

— О, скажи же! — начала она. — Прости меня, и…

Горло сжала судорога. Кэролайн умолкла и уронила полуподнятые руки. С террасы донеслись весёлые мужские голоса; мимо прошёл капитан Холлидей. Дрожь, пробежавшая по телу Кэролайн Уэст, передалась Алисии Дрисколл. Кэролайн быстро поднялась. Две девушки посмотрели друг на друга — возможно, впервые с открытой душой и полным пониманием.

— Кэролайн! — прошептала одна.

— Алисия! — взмолилась другая.

— Кэролайн, доверься мне, — сказала Алисия Дрисколл тем проникновенным голосом, который ещё вернее, чем её красота, покорял сердца и удерживал их. — Ты дурно со мной обошлась, но я отчасти это заслужила. Девочки, — продолжала она, глядя то на подруг, то на отца с тоской, от которой разрывалось сердце, — ни Кэролайн, ни я не достойны любви капитана Холлидея. Кэролайн призналась в своём проступке, но мой, пожалуй, ещё хуже. Кольцо, шарф, бриллиантовые булавки — я всё это брала. Брала, хотя и не оставляла себе. Над моей жизнью тяготело проклятие: желание, с которым я не могла бороться. Но любовь меняла меня. С тех пор как я узнала капитана Холлидея… Впрочем, теперь всё кончено. Безумие было думать, что я смогу быть счастлива с такими воспоминаниями. Теперь я никогда не выйду замуж. И никогда больше не прикоснусь к драгоценностям — ни к своим, ни к чужим. Папа, папа, ты ведь не отвернёшься от своей девочки! Я не могла смотреть, как Кэролайн страдает за то, что сделала я. Ты простишь меня и поможешь… Поможешь…

Голос её оборвался. Алисия бросилась в объятия отца; он склонил над ней голову. На мгновение все в комнате замерли. Затем мисс Хьюсон порывисто шагнула к Алисии и взяла её за руку.

— Мы ведь Неразлучные, — сказала она, поцеловала руку и тихо добавила: — Вот теперь и надо это доказать.

Затем и другие подруги стали целовать холодные, дрожащие пальцы Алисии. От этих поцелуев они словно согревались. И вдруг на руку упала слеза: даже суровая Кэролайн не смогла её сдержать. Об этой слезе знали только они двое.

— Подвеска у вас?

Мистер Дрисколл смотрел на поднятое к нему лицо Вайолет Стрейндж. Во взгляде, всё ещё исполненном боли, светилась теплота. Девушка подошла проститься перед отъездом.

— Да, — призналась она. — Но вашей благодарности я, боюсь, всё-таки не заслужила.

Ответ Дрисколла её удивил.

— Возможно, настоящая Алисия сделает меня счастливее, чем та, какой она мне казалась.

— А капитан Холлидей?

— Может быть, и капитан почувствует себя счастливее, узнав Алисию по-настоящему.

— Значит, вы на меня не в обиде?

— Вы уезжаете с моей благодарностью.

Когда одному господину доложили об успехе последней уловки мисс Стрейндж, тот заметил:

— Малышка делает успехи. Следующее дело надо поручить ей по-настоящему важное.

Конец первого дела

Вторая пуля

«Вы должны её увидеть»

— Нет. Нет.

— Это глубоко несчастная женщина. В одно мгновение она потеряла и мужа, и ребёнка. А теперь лишилась ещё и средств к существованию. Разве что вам придёт в голову удачная мысль, какое-нибудь блестящее озарение… Тогда мы найдём способ добиться страховой выплаты, в которой ей отказали из-за этих разговоров о самоубийстве.

Но Вайолет Стрейндж всё так же медленно и решительно качала головой.

— Мне очень жаль, — возразила она, — но это совсем не по моей части. Я слишком молода, чтобы вмешиваться в такие серьёзные дела.

— Даже ради того, чтобы помочь женщине, потерявшей семью, получить единственное возмещение, которое ещё оставила ей жестокая судьба?

— Пусть этим займётся полиция.

— Полиция ничего не добилась.

— А вы?

— Я тоже.

— И вы рассчитываете…

— Да, мисс Стрейндж. Рассчитываю, что вы найдёте пропавшую пулю и тем самым докажете: Джорджа Хэммонда убили, а не он сам свёл счёты с жизнью. Если вам это не удастся, бедной вдове предстоит долгая тяжба. А такие тяжбы обычно заканчиваются в пользу сильнейшего. Вот что поставлено на карту. Если бы вы хоть раз её увидели…

— Именно этого я и не хочу. Увижу её, поддамся мольбам и возьмусь за дело, которое кажется невозможным. А чутьё подсказывает мне отказаться. Дайте мне что-нибудь полегче.

— За лёгкие дела столько не платят. Если мы заставим страховую компанию раскошелиться, здесь можно хорошо заработать. Я мог бы предложить вам…

— Сколько?

Она старалась держаться беззаботно, но голос выдал живой интерес. Собеседник едва заметно улыбнулся и назвал сумму.

Больше, чем она ожидала. Гость понял это по тому, как Вайолет опустила веки и на мгновение замерла, сдержав свою обычную живость.

— И вы думаете, я смогу их заработать?

Она смотрела ему прямо в глаза с искренним, нескрываемым пылом.

Он едва сумел скрыть удивление: её желание было очевидно, а причину понять никак не удавалось. Он знал, что ей нужны деньги: ради них, по её собственным словам, она и взялась за эту неприятную работу. Но чтобы нуждаться в них настолько! Он оглядел её наряд — простой, но очень дорогой. Насколько дорогой, ему по роду занятий полагалось знать. Затем обвёл взглядом комнату. И здесь простота, но доведённая до высокого искусства. Так могла выглядеть гостиная человека, достаточно богатого, чтобы позволить себе последнюю роскошь утончённого вкуса: неброское изящество, где каждая тщательно выбранная вещь подчинена общему впечатлению.

Чего недоставало этой баловнице судьбы? Почему обещание денег могло её прельстить, если всё её существо восставало против предложенного дела? Он задавался этим вопросом и прежде, но ответа не получил ни разу. Едва ли получит и теперь. Одно было ясно: он надеялся

склонить её к согласию сочувствием, а щедрый гонорар, казалось, действовал куда вернее. Открытие было полезным, но в глубине души разочаровало его.

Впрочем, если он и испытал удовлетворение от своей догадки, то ненадолго. Почти сразу Вайолет переменилась. Блеск её глаз, в глубину которых ему так и не удавалось проникнуть, словно растворился в слезе. И девушка заговорила твёрдым, энергичным голосом, который слышал от неё только он:

— Нет. Сумма хорошая, и она бы мне пригодилась. Но я не стану тратить силы на дело, в которое не верю. Этот человек застрелился. Он играл на бирже и, вероятно, имел на то вескую причину. Даже жена признаёт: в последнее время он чаще проигрывал, чем выигрывал.

— Встретьтесь с ней. Она расскажет вам кое-что, о чём не писали в газетах.

— Вы это утверждаете? Вы знаете наверняка?

— Даю слово, мисс Стрейндж.

Вайолет задумалась и вдруг уступила.

— Хорошо, пусть приходит. Но точно к назначенному часу. Я приму её в три. Потом у меня чаепитие и ещё два визита.

Гость поднялся. Он сумел ничем не выдать огромной радости и теперь снова принял официальный вид. Прощаясь с посетителями, мисс Стрейндж неизменно оставалась светской красавицей — и только. К этому он уже успел привыкнуть.

Дело, о котором в то время много говорили, вкратце сводилось к следующему.

Душной сентябрьской ночью молодые супруги, жившие в большом многоквартирном доме на самом севере Манхэттена, никак не могли заснуть: в соседней квартире без умолку плакал ребёнок. Наконец оба встали. Муж закурил, жена устроилась у окна в надежде поймать хоть дуновение прохладного воздуха. Они уже поздравляли себя с разумным решением отказаться от сна — малыш всё не унимался, — когда где-то поблизости резко и несколько необычно хлопнул выстрел. Было около двух часов, а может быть, немного позже.

Мужу показалось, что стреляли наверху, жене — что со стороны двора. Они растерянно смотрели друг на друга и вдруг заметили тишину. Ребёнок перестал плакать. В соседней квартире стало так же тихо, как у них. Слишком тихо. До ужаса тихо. Теперь они переглянулись уже со страхом.

— Это оттуда, — прошептала жена. — С мистером или миссис Хэммонд что-то случилось. Нам надо пойти…

Её дрожащий голос прервал окрик снизу. Оба стояли у окна; очевидно, их заметил проходивший по улице полицейский.

— У вас там всё в порядке? — крикнул он.

Мистер Сондерс тут же высунулся наружу.

— У нас всё хорошо, — ответил он. До тротуара было всего два этажа. — А вот за квартиру со стороны двора не ручаюсь. Нам послышался выстрел. Не подниметесь ли вы, офицер? Жена тревожится. Я встречу вас на лестнице и покажу дорогу.

Полицейский кивнул и вошёл в дом. Супруги торопливо накинули на себя одежду и к его появлению уже были готовы идти вместе с ним.

До тех пор в доме было спокойно. Но стоило полицейскому позвонить в квартиру Хэммондов, как сверху и снизу послышались голоса и начали открываться двери. Лишь дверь перед ним оставалась закрытой.

Он позвонил снова, на этот раз настойчивее. Ответа не было. Полицейский уже поднял руку в третий раз, когда за дверью, к которой он приложил ухо, послышалось какое-то беспокойное движение, а затем сдавленный голос произнёс невнятные слова. Кто-то стал возиться с замком. Дверь медленно открылась, и показалась женщина в наскоро наброшенном халате, страшно испуганная.

— Ах! — воскликнула она, замечая только сочувственные лица соседей. — Вы тоже слышали? Выстрел оттуда… оттуда… из комнаты мужа. Я не посмела пойти. Я… я… Ради бога, посмотрите, не случилось ли чего! Там так тихо… так тихо, а ещё минуту назад малыш плакал. Миссис Сондерс, миссис Сондерс, почему там так тихо?

Она упала в объятия соседки. Рука, указывавшая на одну из дверей, бессильно опустилась. Казалось, женщина вот-вот лишится чувств.

Полицейский строго посмотрел на неё. Он отметил и её вид: по всему было понятно, что она только что вскочила с постели.

— А вы где были? — спросил он. — Не с мужем и ребёнком, иначе знали бы, что там произошло.

— Я спала в другой комнате, дальше по коридору, — с трудом выговорила она. — Мне нездоровится… Я… О, почему вы стоите и ничего не делаете? Там мой ребёнок! Идите! Идите же!

Внезапно обретя силы, она выпрямилась. Глаза горели, широко раскрытые; маленькое, правильное лицо было белым, как бельё, которое она старалась прикрыть халатом.

Полицейский больше не медлил. Через мгновение он уже пробовал открыть дверь, на которую женщина вновь указывала.

Она оказалась заперта.

Он оглянулся на женщину, съёжившуюся почти у самого пола, забарабанил в дверь и велел мужчине, находившемуся внутри, открыть.

Ответа не было.

Полицейский резко повернулся к жене.

— Вы говорите, муж в этой комнате?

Она кивнула и еле слышно выдохнула:

— И ребёнок!

Он снова повернулся к двери, прислушался и подозвал мистера Сондерса.

— Придётся ломать, — сказал полицейский. — Упритесь плечом как следует. Теперь!

Петли заскрипели, замок не выдержал — на следующий день выяснилось, что полицейский весил двести семьдесят пять фунтов, — и долгий грохот падающей двери довершил дело.

Миссис Хэммонд тихо вскрикнула. Скорчившись от ужаса на полу, она подалась вперёд и вгляделась в лица мужчин, пытаясь понять, что они увидели в полутёмной комнате. Что-то страшное: мистер Сондерс бросился назад с криком:

— Уведи её! Дженни, уведи к нам! Ей нельзя видеть…

Нельзя видеть! Стоило ему взглянуть на молодую женщину, как он понял всю бесполезность своих слов. При его приближении она поднялась и теперь стояла, глядя на него, безмолвная, неподвижная. Такой ужас застыл в её глазах, что Сондерс впервые в жизни понял, каким бывает человеческое горе.

Он отвёл взгляд. Если бы мог поступить по первому порыву, то скорее убежал бы из дома, чем ответил на вопрос, застывший в её глазах и во всём оцепеневшем теле.

Может быть, щадя его безмолвный страх, а может, себя, она первой нашла слово, выразившее их общую муку.

— Умер?

Ответа не было. Он и не требовался.

— А мой малыш?

О, этот крик! У всех, кто его услышал, похолодело сердце. Он потряс мужчин и женщин и в квартире, и за её дверями. Но уже в следующее мгновение женщина рванулась вперёд, забыв обо всём. Жена и мать ворвалась в комнату. Рядом с полицейским, тоже глубоко взволнованным, она смотрела на то, как одно роковое мгновение опустошило её дом и сердце.

Они лежали рядом, оба уже мёртвые. Помочь было нельзя ни одному. Ребёнка задушила тяжесть отцовской руки, лежавшей поперёк запрокинутой шейки. Сам отец погиб от выстрела, который услышали соседи. На груди была кровь; в руке — револьвер.

Самоубийство! Страшная правда казалась очевидной. Недаром молодую вдову хотели удержать. Миссис Сондерс на цыпочках подошла к ней и обняла: та пошатнулась, готовая упасть в обморок. Сказать было нечего. Совершенно нечего.

По крайней мере, им так казалось. Но женщина опустилась на пол — не возле мужа, а возле ребёнка, — вытащила малыша из-под задушившей его руки, прижала к себе, стала целовать и отчаянно звать врача. Полицейский хотел помешать ей, но не смог решиться. Он знал: ребёнок мёртв, и по правилам тело нельзя трогать до прибытия коронера. Но разве можно убедить мать в подобном? Он оставил её сидеть на полу и всеми известными ей способами пытаться вернуть малыша к жизни, а сам отдал распоряжения смотрителю дома и стал ждать врача и коронера.

Когда приехал врач, она всё ещё сидела там, обезумевшая от горя: то ласкала маленькое тельце, то отстранялась и вглядывалась в неподвижное личико, ища хоть какой-то признак жизни. Врач посмотрел на ребёнка, осторожно взял его из материнских рук и тихо положил в кроватку, откуда отец, по-видимому, совсем недавно его вынул.

Он обернулся к женщине. Та уже стояла, поддерживаемая соседями. Она поняла этот жест и без единого стона приняла свою участь. Казалось, у неё не осталось сил ни говорить, ни двигаться. Теперь она смотрела на тело мужа, словно лишь впервые увидела его по-настоящему. Было ли в этом взгляде горе или обида за то, что он, сам того не желая, стал причиной гибели ребёнка? Трудно сказать. Женщина медленно подняла руку и указала на револьвер, зажатый в другой, вытянутой руке мертвеца. Комната к тому времени наполнилась людьми, но никто не мог угадать, что она скажет, когда наконец вновь обретёт дар речи.

А сказала она вот что:

— Там не хватает пули? Он стрелял из этого револьвера?

Вопрос настолько походил на бред, что никто не ответил. Её это, кажется, удивило. Но она молчала, обводя взглядом стены комнаты, пока не остановилась на распахнутом в ночную темноту окне: нижняя рама была поднята до самого верха.

— Туда! Смотрите туда! — властно воскликнула женщина, вскинула руки и без чувств повисла на руках у тех, кто её поддерживал.

Никто не понял, что она имела в виду, но несколько человек, разумеется, бросились к окну. Впереди простиралось открытое место: поля, ещё не разделённые на участки и не застроенные. Однако смотрели они не на поля, а на прочную решётку для вьющихся растений. Ничем не оплетённая, она служила настоящей лестницей от земли к этому окну.

Не на неё ли женщина хотела указать? Не означали ли её слова, что, вопреки очевидному, она думает не о самоубийстве?

Если так, то до чего же способно довести женщину воображение! По крайней мере, об этом, казалось, говорили взгляды присутствующих. Но тут ко всеобщему удивлению полицейский, до той минуты сохранявший спокойствие, отошёл в сторону, издал изумлённое восклица-

ние и указал на кусок стены, едва видневшийся из-за полуотдёрнутого полога кровати. Висевшее там зеркало было разбито: от одного места лучами расходились трещины, какие оставляет удар пули или с силой брошенного камня.

— Он выстрелил дважды. Первый раз промахнулся, второй — попал куда целил.

Таково было заключение полицейского.

Мистер Сондерс вернулся из дальней комнаты, куда помог отнести миссис Хэммонд, посмотрел на разбитое зеркало и решительно сказал:

— Я слышал только один выстрел. И ведь я не спал: бедный малыш всё плакал. Дженни, ты слышала больше одного? — спросил он, повернувшись к жене.

— Нет, — ответила она, но не так уверенно, как он, видимо, ожидал. — Я слышала один. Правда, звук был необычный. Я знакома с оружием, — пояснила она полицейскому. — Отец был военным и с детства учил меня заряжать револьвер и стрелять. Этот выстрел как будто затянулся. Почти сразу за первым хлопком послышалось что-то вроде его отголоска. Ты не заметил, Уоррен?

— Помню что-то такое, — признал муж.

— Он выстрелил два раза подряд, — назидательно вставил полицейский. — За зеркалом мы найдём пулю.

Но когда прибыл коронер и зеркало со стеной за ним осмотрели, пули там не оказалось. Во всей комнате нашли лишь ту, что вошла в грудь погибшего. Из револьвера тоже стреляли только один раз: в пяти остальных каморах оставались патроны. Казавшееся простым дело таило загадки. Однако словам миссис Сондерс уже не придавали значения, а разбитое зеркало больше не считали бесспорным доказательством второго выстрела в этой комнате.

И всё же было ясно: в биржевика стреляли не в упор, как следовало бы ожидать, судя по зажатому в его руке револьверу. Ни на пижаме, ни на коже под ней не нашли следов пороха. Одна странность противоречила другой. Оставалась единственная версия: пуля, убившая мистера Хэммонда, влетела в окно, а выпущенная им — вылетела обратно. Но тогда ему пришлось бы стрелять совсем не там, где нашли тело. А рана была такой, что едва ли позволила бы ему далеко отойти — если он вообще мог сделать хоть шаг.

Коронер, человек добросовестный и внимательный, всё же распорядился тщательно обыскать землю под окном. Полиция участвовала в поисках, но безуспешно. Они лишь привлекли внимание окрестных жителей, и пошёл слух: прошлой ночью кто-то видел мужчину, который торопливо пересекал поля. Ни подробностей, ни даже примет этого человека получить не удалось. На рассказ, пожалуй, не обратили бы внимания, если бы не одно обстоятельство. Стоило слуху дойти до миссис Хэммонд — почему всегда находится кто-нибудь, готовый их разносить? — как она очнулась от оцепенения и в крайнем возбуждении воскликнула:

— Я знала! Я так и думала! В него стреляли через окно. Это сделал тот негодяй! Сам он не стрелял в себя!

Бурные заверения перешли в один непрерывный стон:

— О, мой малыш! Мой бедный малыш!

Даже сказанные в бреду, такие слова заслуживали внимания — так считал добрый коронер. И при первой возможности, когда женщина достаточно успокоилась, чтобы отвечать разумно, он спросил: кого она назвала негодяем? И почему считает — или воображает, — что её муж погиб не от собственной руки, разочаровавшись в жизни, а как-то иначе?

Тут-то его сочувствие к ней, уже весьма сильное, начало ослабевать. Женщина ответила холодным взглядом и несколькими двусмысленными фразами, из которых ничего нельзя было понять. Разве она сказала «негодяй»? Не помнит. Не стоит придавать значения тому, что она говорила в первые минуты горя: она тогда едва соображала. Но в одном сомневаться не надо: её муж не застрелился. Для этого он слишком боялся смерти. К тому же он был счастлив. Что бы ни говорили люди, он слишком любил свою семью, чтобы пожелать с ней расстаться.

Ни коронеру, ни другим должностным лицам ничего больше от неё добиться не удалось. Даже когда её с жестокой настойчивостью спрашивали, почему младенец оказался на полу, а не в кроватке, она отвечала одно:

— Отец пытался его успокоить. Ребёнок страшно плакал — вы слышали об этом от людей, которым он в ту ночь не давал спать. Муж носил его на руках, когда раздался выстрел. Джордж упал и, бившись в предсмертных судорогах, придавил малыша.

— Носил ребёнка на руках, держа заряженный револьвер? — сурово возражали ей.

На это ответа у неё не было. Ей сообщили, что пуля, извлечённая из тела, точно такая же, как пули в пяти оставшихся патронах револьвера, найденного в руке погибшего. Она признала: оружие принадлежало мужу, и он обычно спал, положив его под подушку. Но ничего больше не сказала. Эта сдержанность, холодные, отталкивающие манеры говорили против неё.

Присяжные коронерского суда вынесли решение: самоубийство. Страховая компания, где мистер Хэммонд совсем недавно застраховал жизнь на крупную сумму, сослалась на соответствующую оговорку в полисе и объявила, что платить не намерена.

Так обстояли дела — насколько знали Вайолет Стрейндж и читающая публика — в тот день, когда девушку попросили встретиться с миссис Хэммонд. Возможно, та сообщит что-то, способное изменить мнение Вайолет и о справедливости вынесенного решения, и о позиции компании страхования жизни «Шулер».

Часы на камине в розовом будуаре мисс Стрейндж пробили три. Вайолет уже с некоторым нетерпением поглядывала на дверь, когда раздался тихий стук и горничная — одна из пожилых, а не молодых — ввела ожидаемую посетительницу.

— Вы миссис Хэммонд? — спросила Вайолет, невольно оробев перед сплошной чёрной фигурой, так резко выделявшейся на насыщенно-розовом фоне комнаты, похожей на морскую раковину.

В ответ женщина медленно подняла вуаль. До сих пор Вайолет знала скрывавшееся за ней лицо только по газетным рисункам.

— Вы… мисс Стрейндж? — запинаясь, спросила гостья. — Та самая молодая девушка, которая…

— Да, — отозвался звонкий и нежный голос. — Я та, к кому вы пришли. И это мой дом. Но оттого я не меньше сочувствую несчастным и не меньше хочу им помочь. Вы понесли две самые страшные потери, какие может понести женщина. Я достаточно знаю вашу историю, чтобы так сказать. Но чем вы докажете, что не должны лишиться ещё и ожидаемых денег? Надеюсь, у вас есть что-то существенное, иначе я бессильна. Что-то, о чём следовало рассказать присяжным коронера… а вы не рассказали.

Молодая вдова только покраснела. От румянца её лицо казалось ещё более утончённым. Вайолет следила, как щёки гостьи то вспыхивают, то бледнеют, и это глубоко трогало её. Почему, она и сама не знала: миссис Хэммонд не пыталась разжалобить её ни взглядом, ни жестом. Вайолет подвинула стул и попросила гостью сесть.

— Здесь мы можем говорить совершенно спокойно, — сказала она. — Когда почувствуете себя в силах, расскажите всё, что хотели. Дальше меня это не пойдёт. Я не могла бы заниматься своей работой, если бы нуждалась в ком-то, с кем можно делиться секретами.

— Но вы так молоды и так… так…

— Так неопытны, хотите вы сказать? И явно принадлежу к тому, что ньюйоркцы называют «высшим обществом». Пусть вас это не смущает. Моя неопытность вряд ли продлится долго, а светские развлечения скорее помогают мне в работе, чем мешают.

Вайолет улыбнулась. Не той сияющей улыбкой, которую у неё видели так часто. Но было в этой улыбке что-то, ободрившее вдову, и та с явным волнением спросила:

— Вы знаете, что случилось?

— Я прочла все газеты.

— Моим показаниям не поверили.

— Вы так себя держали…

— Я ничего не могла с собой поделать. Я кое о чём умалчивала. А поскольку обманывать не привыкла, то и вести себя естественно не могла.

— Зачем же вы умалчивали? Когда увидели, какое неблагоприятное впечатление производит ваша скрытность, почему не рассказали всё начистоту?

— Мне было стыдно. Казалось, заговорив, я наврежу себе больше, чем промолчав. Теперь я так не думаю. Но тогда думала и потому совершила страшную ошибку. Не забывайте: я была не только потрясена двойной потерей, но и мучилась чувством вины. В ту ночь мы с мужем поссорились. Жестоко поссорились. Поэтому я и убежала в другую комнату, а вовсе не потому, что мне нездоровилось и я не могла больше слушать плач капризного малыша.

— Именно так люди и подумали, — сказала мисс Стрейндж с нажимом, пожалуй, даже жестоким. — Вы хотите объяснить причину ссоры? Полагаете, если вы сейчас всё расскажете, это поможет вашему делу?

— Не знаю. Но сначала я должна облегчить совесть, а потом постараюсь убедить вас: ссорились мы или нет, он не мог сам лишить себя жизни. Не такой он был человек. Он до ненормальности боялся смерти. Мне тяжело это говорить, но физической храбрости у него не было совсем. Я видела, как он бледнел при малейшем намёке на опасность. Он не мог бы направить дуло себе в грудь, как не мог бы направить его на ребёнка. Кто-то другой выстрелил в него, мисс Стрейндж. Вспомните открытое окно, разбитое зеркало. И я, кажется, знаю, кто это был.

Она уронила голову на грудь. Её волнение говорило не столько о горе, сколько о глубоком личном стыде.

— Вы думаете, что знаете этого человека? — спросила Вайолет шёпотом. Ведь только что прозвучало обвинение в убийстве.

— К несчастью, да. Когда мы с мистером Хэммондом поженились, — продолжала вдова уже более решительно, — был другой человек. Очень неистовый. Даже у церковных дверей он поклялся, что мы с Джорджем не проживём вместе и двух полных лет. Мы и не прожили. Вторая годовщина свадьбы была бы в ноябре.

— Но…

— Позвольте мне сказать вот что. Наша ссора была слишком ничтожной, чтобы он мог решиться на такой отчаянный шаг. Нужно быть безумцем, чтобы покончить с собой из-за столь мелкого разногласия. Мы поссорились даже не из-за того человека, о котором я только что упомянула. Правда, раньше в тот вечер мы о нём говорили: муж столкнулся с ним лицом к

лицу в метро в тот же день, после полудня. До этого с самой нашей свадьбы мы оба ничего о нём не слышали и ни разу его не видели.

— И вы думаете, этот человек, которого вы лишь вскользь упомянули, так и не забыл старую обиду? Разыскал ваш дом, с намерением убить забрался по решётке к окну и выстрелил в смутную фигуру, которую едва можно было различить при сильно убавленном газовом освещении?

— Когда человек в темноте жаждет мести, ему не нужен яркий свет, чтобы увидеть врага.

Мисс Стрейндж переменила тон.

— А ваш муж? Вы ведь должны признать: из своего револьвера он выстрелил, независимо от того, стрелял ли другой человек.

— Он защищался. Чтобы спасти свою жизнь или жизнь малыша, он бы выстрелил.

— Значит, он должен был услышать или увидеть…

— Человека у окна.

— И выстрелить туда?

— Или попытаться.

— Попытаться?

— Да. Другой выстрелил первым. О, я всё обдумала! Поэтому пуля мужа прошла мимо цели. Именно она разбила зеркало.

Сияющие глаза Вайолет вдруг прищурились.

— А потом? — спросила она. — Почему же пули не могут найти?

— Потому что она вылетела в окно. Отскочила и вылетела в окно.

Миссис Хэммонд говорила торжествующе. Во взгляде появились живость и напряжённая убеждённость.

Вайолет посмотрела на неё с состраданием.

— Разве пуля, отскочившая от зеркала, как бы оно ни висело, легко может попасть в окно так далеко, на противоположной стороне?

— Я не знаю. Знаю только, что попала, — ответила вдова, противореча самой себе и почти доходя до нелепости.

— Из-за чего вы поссорились с мужем? Поймите: чтобы помочь вам, мне нужно знать правду. Точную и полную.

— Из-за… из-за того, как я ухаживала за ребёнком. Или не ухаживала. Мне ужасно тяжело в этом признаваться, но Джордж считал, что я не выполняю своего материнского долга. Он говорил: малыш не должен столько плакать. Если бы я как следует за ним смотрела, он не держал бы пол-ночи без сна ни соседей, ни его. А я… я рассердилась. Стала уверять, что делаю всё, что могу, что ребёнок просто от природы капризный. И если мужу не нравится, как я о нём забочусь, пусть попробует сам. Я была очень неправа и неразумна — доказательством тому страшное наказание, которое последовало.

— А что заставило вас встать и уйти от него?

— Он что-то раздражённо буркнул в ответ. Я вскочила с постели и объявила, что пойду спать в свободную комнату. А если малыш заплачет, пусть сам попробует его успокоить.

— И что он ответил?

— Вот что. Только это. Я до конца жизни не забуду его слов: «Если уйдёшь, можешь не рассчитывать, что я впущу тебя обратно. Что бы ни случилось».

— Он так и сказал?

— И запер за мной дверь. Видите, я не могла всего этого рассказать.

— А может, и следовало. Это ведь такая обычная ссора. Ничто в ней не вело к настоящей трагедии.

Миссис Хэммонд молчала. Нетрудно было заметить: о самом муже она горевала не слишком сильно. Впрочем, он и не был особенно достойным человеком, да и вообще ни в чём ей не ровня.

— Вы не были с ним счастливы, — решилась заметить Вайолет.

— Я не была вполне довольна своей жизнью. Но при всём том, кроме того, о чём я уже сказала, ему не в чем было меня упрекнуть. Я не очень-то умело обращалась с ребёнком. Но если бы малыш сейчас был жив… О, если бы он был жив, с какой преданностью я бы о нём заботилась!

Она уже стояла, подняв руки, вся во власти чувства. Глядя на неё, Вайолет тихонько вздохнула. Возможно, этот вздох относился к происходящему, возможно — к чему-то другому. Но, откуда бы он ни возник, после него девушка переменилась. Больше не сдерживая сочувствия, она очень мягко сказала:

— Ребёнку теперь хорошо.

Мать выпрямилась, словно окаменев, покачнулась и разразилась отчаянными рыданиями.

— Но не мне! — воскликнула она. — Не мне! Я одна. У меня никого не осталось. Даже дома нет, где можно спрятать своё горе. И надеяться не на что.

— Но ведь муж наверняка что-нибудь вам оставил? — возразила Вайолет. — Вы не могли остаться совсем без денег!

— Муж ничего не оставил, — ответила женщина без горечи, просто излагая факты. — У него были долги. Я их выплачу. Когда я расплачусь с долгами и покрою прочие необходимые расходы, останется совсем немного. Он и не скрывал, что тратит почти всё, что получает. Потому и согласился застраховать жизнь. Все его друзья знают, как он был непредусмотрителен. У меня… у меня даже драгоценностей нет. Есть только решимость и полная уверенность в том, как на самом деле погиб мой муж.

— Как зовут человека, которого вы втайне подозреваете в том, что он застрелил вашего мужа с решётки за окном?

Миссис Хэммонд назвала имя.

Вайолет слышала его впервые. Она так и сказала, а потом спросила:

— Что ещё вы можете о нём сообщить?

— Только то, что он очень смуглый и у него косолапая нога.

— Ах, какую же ошибку вы совершили!

— Ошибку? Да, я это признаю.

— Я о том, что вы сразу не сообщили полиции эту последнюю подробность. По такому увечью человека можно опознать. Даже следы его ног можно отыскать. Его могли найти в тот же день. А за что нам теперь ухватиться?

— Вы правы. Но я не ожидала никаких затруднений со страховыми деньгами и думала, что великодушнее будет промолчать. К тому же это всего лишь моя догадка. Я уверена, что муж погиб от чужой руки, а не от собственной. Но как это доказать, не знаю. А вы?

Тогда Вайолет серьёзно объяснила ей: единственная надежда — найти в комнате вторую пулю. В той самой комнате, которую уже всю обыскали именно ради этого и не нашли ни малейшего следа.

Чаепитие, музыкальный вечер и танцы до конца дня кружили Вайолет Стрейндж в светском вихре. Ни у кого не было таких сияющих глаз; ничьи шутки не оживляли эти собрания столь заразительно. Но после полуночи никто из видевших её в блеске электрических огней не узнал бы баловницу судьбы в сосредоточенной девушке, сидевшей в полумраке квартиры на севере города. При тусклом свете убавленного газового рожка она изучала стены, потолок и пол. Светская Вайолет Стрейндж совсем не походила на Вайолет Стрейндж, всецело занятую своей странной тайной работой.

Дома она сказала, что останется ночевать у подруги. Но кто эта подруга, знал только её старый кучер. Поэтому к волнению от пребывания в комнате, где произошла страшная загадочная смерть, примешивалось вполне понятное чувство вины. Разгадать тайну можно было, лишь вжившись в эту обстановку и представив себя человеком, который здесь погиб.

Отбросив мысли о себе, Вайолет старалась думать и действовать, как он, в ту ночь, когда остался здесь один с нездоровым ребёнком — сам человек отнюдь не храбрый.

Не в ладах с собой, с женой и, возможно, даже с малышом, надрывающимся в кроватке, как он мог повести себя в таком затруднении? Сначала ничего бы не предпринял. Но плач не утихал. Тогда он вспомнил бы старые рассказы об отцах, которые ночами ходят по комнате, укачивая детей, и поспешил бы последовать их примеру.

Вайолет подошла к месту, где стояла кроватка. Стараясь понять самые сокровенные мысли погибшего, она начала оттуда ходить по комнате и искать точку, из которой пуля могла бы попасть в зеркало, а затем отскочить в сторону окна. Не то чтобы она уже верила в догадку миссис Хэммонд. Просто не хотела отбрасывать её, не проверив.

Такая точка нашлась в неожиданной части комнаты, гораздо ближе к изголовью кровати, чем место, где обнаружили тело. Это, казалось бы, только запутывало дело. На деле же помогало снять одно из самых серьёзных затруднений. Отсюда Хэммонд мог дотянуться до подушки, под которой лежал револьвер. Если, как считала жена, его испугал шум у противоположного конца комнаты, достаточно было пригнуться и протянуть руку назад, чтобы оказаться вооружённым и готовым к появлению чужака.

Подражая его движениям, как и прежде, Вайолет низко пригнулась у постели и уже собиралась вынуть руку из-под подушки. Но тут неожиданное открытие остановило её. Она замерла, глядя прямо на соседнюю стену. Там, в зеркале, отразились тёмные переплёты противоположного окна. Это и должен был увидеть Хэммонд, повернувшись так же. Вайолет сразу поняла, что произошло. В испуге и растерянности он принял отражение за настоящее окно и поспешно выстрелил в человека, который, несомненно, целился в него с решётки снаружи.

Но если теперь было понятно, почему разбилось зеркало, то куда затем делась пуля? Этот вопрос был ещё важнее. Мог ли угол выстрела оказаться настолько острым, чтобы пуля ушла в окно, расположенное по диагонали напротив? Нет. Даже если Хэммонд держал револьвер ближе к себе, чем она предполагала, пуля всё равно отскочила бы к дальней стене.

Но следов удара на той стене не обнаружили. Значит, пуля потеряла силу раньше. А когда упала…

Тут её взгляд, медленно скользивший по полу, внезапно остановился. Вайолет смотрела на место, где нашли оба тела. Невольно перед ней возникла картина: истекающий кровью отец и задушенный малыш. Как страшно, как жалко! Если бы только понять…

Вдруг она выпрямилась и застыла в тусклом свете, пристально глядя перед собой. Неужели наконец пришла догадка? Объяснение — единственно возможное, вмещающее все обстоятельства?

По-видимому, так. Лицо Вайолет выражало убеждённость. Но вместе с ней проступил ужас, от которого девушка казалась совсем маленькой и беспомощной, хотя за короткое время успела повидать немало.

Через полчаса миссис Хэммонд, встревоженная тем, что от мисс Стрейндж всё нет известий, открыла дверь своей комнаты. На краю порога лежала визитная карточка маленькой сыщицы. Поперёк неё были торопливо написаны слова:

Я чувствую себя неважно и потому позвонила своему кучеру, чтобы он забрал меня домой. Через несколько дней я повидаюсь с вами или напишу. Но не позволяйте себе надеяться. Прошу вас, не давайте себе ни малейшей надежды: исход всё ещё очень сомнителен.

На следующее утро, войдя в свой кабинет, наниматель Вайолет увидел ожидавшую его фигуру под вуалью и сразу узнал свою маленькую помощницу. Она не торопилась открывать лицо. Когда наконец подняла вуаль, он на мгновение усомнился, разумно ли поступил, поручив ей именно такое дело. А увидев, как она осунулась и как жалко выглядит, уже не сомневался: он совершил ошибку.

— Вы потерпели неудачу, — сказал он.

— Вам судить, — ответила она, подошла ближе и что-то шепнула ему на ухо.

— Нет! — изумлённо воскликнул он.

— Подумайте, — тихо сказала она. — Подумайте. Только так можно объяснить все факты.

— Я проверю. Непременно проверю, — серьёзно ответил он. — Если вы правы… Но сейчас не об этом. Поезжайте домой, а потом покатайтесь верхом в парке. Как только что-нибудь узнаю, сообщу вам. А до тех пор забудьте всё. Слышите? Я настаиваю: не думайте ни о чём, кроме своих балов и приёмов.

Вайолет послушалась.

Через несколько дней все газеты напечатали следующее сообщение:

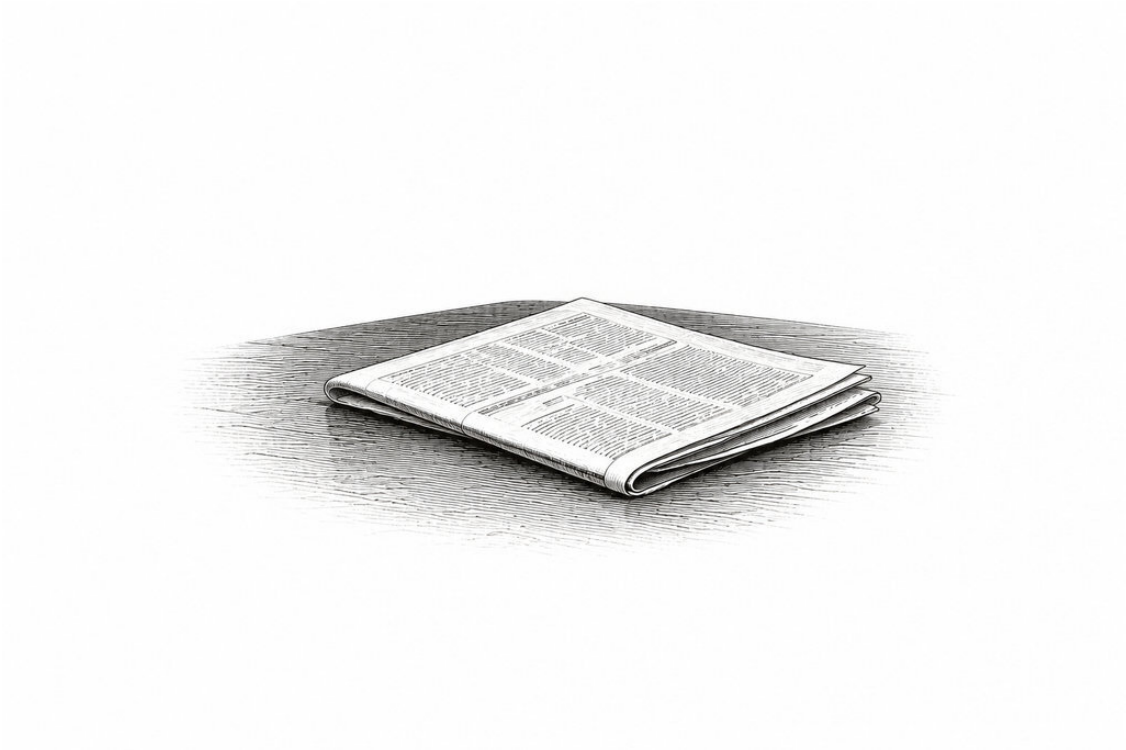
«Благодаря замечательной работе известного частного сыскного агентства —— и —— требование миссис Джордж Хэммонд к компании страхования жизни „Шулер“, вероятно, будет удовлетворено без дальнейшей тяжбы. Как помнят наши читатели, истица с самого начала настаивала: пулю, убившую её мужа, выпустили не из того револьвера, который нашли зажатым в его руке. Оснований для этого утверждения хватало. Но кроме спорного следа второй пули ничего обнаружить не удалось. В результате было вынесено решение о самоубийстве, и компания отказала в выплате.

Теперь же пуля найдена. И где? В самом неожиданном месте — в гортани ребёнка, лежавшего мёртвым на полу рядом с отцом. До сих пор считали, что малыша задушила тяжесть отцовской руки. По всей видимости — и другой версии, кажется, не остаётся, — отец, услышав у окна подозрительный шум, опустил ребёнка, которого старался успокоить, и направился к кровати за револьвером. Приняв отражение убийцы за самого убийцу, он выстрелил в сторону зеркала как раз в тот миг, когда другой человек нажал на спуск и такая же пуля вошла ему в

грудь. Одна пуля пролетела прямо и оказалась смертельной. Другая, ударившись в зеркало под косым углом, отскочила и упала на пол. Там её подобрал ползавший малыш и, как это вполне естественно, тут же сунул себе в рот. Может быть, пуля обожгла маленький язычок. А может, ребёнок испугался судорожного движения отца, который, очевидно, в последние мгновения старался до него добраться. Какова бы ни была причина, малыш резко вдохнул, пуля попала в гортань, и он задохнулся.

То, что рука отца в последней судороге упала поперёк шейки ребёнка, — одна из тех странностей, которые сбивают с толку рассудок и вводят правосудие в заблуждение. Они останавливают расследование как раз там, где открывается истина и исчезает тайна.

Миссис Хэммонд можно поздравить: нашлись сыщики, которые не слишком доверяют внешним признакам».



Вскоре, надо полагать, мы услышим и о поимке человека, выпустившего роковую пулю.
Конец второго дела

Неуловимая улика

«Вы изучили это дело?»

— Я — нет.

— Не изучили дело, которому газеты последние несколько дней посвящают такие кричащие заголовки?

— Я не читаю газет. За целую неделю ни в одну не заглянула.

— Мисс Стрейндж, должно быть, светские обязанности сейчас совсем не оставляют вам времени?

— Именно так.

— А деловая хватка куда делась?

— Это почему?

— Прочли бы газеты — не спрашивали бы.

В ответ она лишь слегка вскинула хорошенькую головку. Если нанимателя и задело такое равнодушие, то выдала его только торопливая речь. Без дальнейших предисловий — и, возможно, не имея на это достаточных оснований — он принялся излагать дело.

— В прошлый вторник вечером в нашем городе убили женщину. Старуху, которая много лет жила одна в уединённом доме. Возможно, вы помните этот дом? Он стоит на довольно заметном месте на Семнадцатой улице. Старинный такой дом.

— Нет, не помню.

Тон мисс Стрейндж был до крайности небрежным — в обществе такая манера погубила бы её репутацию. Но в обществе она никогда себе этого не позволяла. Оба это знали, и он улыбнулся с привычной снисходительностью.

— Тогда я его опишу.

Она огляделась в поисках кресла и опустилась в него. Он тоже сел.

— Над входной дверью веерная фрамуга.

Она осталась невозмутима.

— А по бокам — две старинные узкие полосы разноцветного стекла.

— И дверной молоток между филёнками. Когда-нибудь за него дадут хорошие деньги.

— А, значит, всё-таки помните! Я так и думал, мисс Стрейндж.

— Да. Веерные фрамуги над дверями в Нью-Йорке теперь редкость.

— Так вот, во вторник трагедия произошла именно там. Женщину, которая столько лет жила в одиночестве, зверски убили. Как я узнал впоследствии, люди, хорошо её знавшие, давно предсказывали ей подобный конец. После пяти часов вечера она никому не позволяла оставаться в доме: ни прислуге, ни друзьям. А деньги там хранила всегда. Некоторые полагают — немалые.

— Меня интересует дом, а не она.

— И всё же это была примечательная особа. Причуд и странностей в ней было не меньше, чем ядра в орехе. Смерть её ужасна. Она сопротивлялась: платье разорвано в клочья. Произошло это, как видите, до того, как она легла спать. Некоторые считают, что уже около шести вечера. И вот… — Тут он быстро взмахнул рукой, пытаясь вернуть ускользавшее внимание Вайолет. — Несмотря на борьбу, несмотря на то что её волокли из комнаты в комнату, обыскали и её саму, и весь дом, прямых улик против убийцы так и не нашли. Из комодов вытащили ящики, у шкафов выломали дверцы, посуду разбили об пол, опустошили целые полки. От подвала до чердака не осталось необследованного уголка. И ничего, что могло бы указать на личность преступника! Ясно лишь: он силён и чрезвычайно алчен. Полиция даже снизошла до совета со мной — случай необычный, — но и я ничего не обнаружил. Следов чудовищного умысла и беспощадных поисков сколько угодно. А кто это сделал — ни единой зацепки. Необычно, не правда ли? Совсем никаких зацепок.

— Наверное.

Мисс Стрейндж ненавидела убийства, и заставить её обсуждать подобные дела было нелегко. Но на этот раз отступать от неё не собирались.

— Понимаете, — настойчиво продолжал он, — для полиции это не только досадно. Пресса тоже разочарована, особенно потому, что мало кто из репортёров верит рассказам о безнадёжном тупике. Они говорят — и мы не можем с ними не согласиться: такая борьба, такие бесконечные переходы по дому не могли не оставить хоть какого-нибудь следа, который связал бы преступление с дерзким убийцей.

Она всё смотрела на свои руки. Маленькие, белые, беспокойные, они казались такими беспомощными под тяжестью многочисленных колец — и всё же были на удивление ловки и умелы.

— Странные у неё, должно быть, соседи, — наконец неохотно произнесла мисс Стрейндж. — Неужели они ничего не слышали и не видели?

— У неё нет соседей. Во всяком случае, после половины шестого. С одной стороны типография, с другой пустующий особняк. Напротив и сзади — одни склады. Когда типография закрывается, некому заметить, что происходит в её домишке. Чтобы оставаться там, как она, надо было быть либо очень храброй, либо очень глупой. Но сдвинуть её с места могла только смерть. Она родилась в комнате, где умерла. Венчалась в той, где работала. Через дверь с веерной фрамугой по очереди вынесли на кладбище её мужа, отца, мать и пятерых сестёр. Эти воспоминания и держали её.

— Вы пытаетесь заинтересовать меня этой женщиной. Не надо.

— Нет. Я лишь стараюсь объяснить её поведение. Была и другая причина, почему она оставалась там так долго после того, как все жильцы уехали из квартала. Она занималась делом.

— Вот как!

— Вышивала вензеля для знатных дам.

— Неужели? Но незачем на меня так смотреть. Для меня она ничего не вышивала.

— Нет? А работала она превосходно. Я видел образцы. Мисс Стрейндж, если бы мне удалось завести вас туда на десять минут — не смотреть на неё, а подхватить ту неуловимую ниточку, которая, я уверен, где-то там ещё тянется, — разве вы отказались бы?

Вайолет медленно поднялась. Он тут же последовал её примеру.

— Мне придётся вслух обозначить границы нашей договорённости? — спросила она. — По причинам, объяснять которые я никогда не считала нужным, я согласилась иногда понемногу помогать вам. В делах, где могут пригодиться женский такт и знание света, причём без ущерба для себя и окружающих. Я не думала, что надо отдельно оговаривать: на этом ваши уговоры должны заканчиваться. Что меня не станут просить браться за грязные, кровавые дела. Но, видимо, ошибалась и теперь вынуждена говорить прямо. Женщина, которую убили во вторник, могла бы очень заинтересовать меня как вышивальщица. Как жертва убийства — нисколько. Что вы во мне находите — или чего не находите, — если пытаетесь втянуть в мир низких преступлений?

— Ничего, мисс Стрейндж. И по природе, и по воспитанию вы весьма далеки от всего подобного. Но позвольте заметить: преступление перестаёт быть низким, если требует от расследующего человека всего его ума и проницательности. Только самые чуткие пальцы могут уловить и удержать ту нить, о которой я говорил. А более чутких, чем ваши, я не знаю.

— Не пытайтесь мне льстить. У меня нет охоты копаться в грязной паутине. А если бы и была, если бы эти ускользающие нити меня привлекали, то как мне, человеку с известным именем и лицом, появиться на месте преступления, не нарушив нашего общего уговора?

— Мисс Стрейндж… — Она уже села, а он всё ещё стоял. Эта невнимательность к тонкому намёку — ведь её, возможно, ещё можно было заинтересовать — словно слегка раздражала девушку. — Я бы и не заговорил об этом, если бы не знал способа привести вас туда без риска и для вашего положения, и для моего. На столе миссис Дулиттл стояли коробки. В основном с готовыми работами, уже подписанные и приготовленные к отправке. На одной я увидел имя… Стоит ли его называть?

— Не моё же? Вы не хотите сказать, что моё? Это было бы слишком странно. До смешного странно! Такого совпадения я бы не поняла. Нет, не поняла бы. Хотя в последнее время я действительно кое-что отдавала вышивать.

— А между тем там было ваше имя. Полное имя, мисс Стрейндж, написанное очень чётко и аккуратно. Я сам его видел и прочитал.

— Но я сделала заказ у мадам Пиро на Пятой авеню. Как мои вещи попали в дом женщины, о чьей ужасной смерти мы говорим?

— Вы полагали, мадам Пиро занимается такой работой сама? Или хотя бы держит вышивальщиц у себя? К миссис Дулиттл обращались все. Она работала на дюжину фирм. На большей части её свёртков вы найдёте самые громкие имена. Но на вашем — я говорю о коробке, подписанной вам, — было не только имя. Другим почерком там приписали: «Отправить не вскрывая». Полиции это показалось подозрительным. Достаточно подозрительным, чтобы попросить вас приехать в дом, как только вам будет удобно.

— Вскрыть коробку?

— Совершенно верно.

Надо было видеть, как презрительно изогнулись губы мисс Стрейндж.

— Вы сами это написали, — хладнокровно заметила она. — Кто-то отвернулся, вы тут же выхватили карандаш и…

— Прибег к вполне простительной уловке, весьма полезной для общества. Но оставим это. Вы поедете?

Мисс Стрейндж вдруг приняла смиренный вид.

— Видимо, придётся, — неохотно согласилась она. — Как бы вы этого ни добились, вызовом полиции нельзя пренебречь. Даже дочери Питера Стрейнджа.

Другой выдал бы торжество улыбкой или жестом. Но этот человек слишком хорошо усвоил свою роль. Он только сказал:

— Прекрасно. Сейчас? У дверей такси.

Но она не увидела причин так торопиться. Внезапно напустив на себя достоинство, Вайолет ответила:

— Нет, так не годится. Если уж я еду в этот дом, всё должно быть устроено как следует. Придётся попросить брата меня сопровождать.

— Брата!

— О, на него можно положиться. Он… он знает.

— Ваш брат знает? — На этот раз гость сдержался хуже обычного и явно выдал тревогу.

— Знает и… одобряет. Но сейчас важно лишь то, что с ним я могу без нарушения приличий отправиться в этот ужасный дом.

В ответ — официальный поклон и слова:

— Значит, вас могут ждать. Скажите, когда?

— В течение часа. Хотя толку от моей уступки всё равно не будет, — капризно пожаловалась она. — Если по дому прошлась дюжина сыщиков, вся паутина там наверняка сметена. Даже если когда-то и была.

— В этом-то и трудность, — признал он и не решился добавить ни слова. В эту минуту она была слишком важной светской дамой и слишком мало походила на его тайную помощницу.

Впрочем, внезапная перемена в её манерах, пожалуй, не так впечатлила бы его, если бы он увидел, на что она потратила испрошенные три четверти часа.

Вайолет читала заброшенные газеты. Особенно ту, где поместили следующее живописное описание страшного преступления:

«Приоткрытая дверь, пустая прихожая, цепочка зловещих пятен, отмечавших по диагонали каменных плит путь преступника, тишина и безошибочно узнаваемый запах, отвратительный всякому человеку… Вот что обнаружил полицейский О'Лири вчера вечером во время первого обхода. Это и привело к раскрытию убийства, которое ещё долго будет волновать город своей таинственностью и ужасом.

И дом, и жертва хорошо известны».

Дальше следовали описания дома и образа жизни миссис Дулиттл. Вайолет поспешно их пропустила и перешла к следующему:

«Судя по тому, что удалось установить, всё произошло так. Миссис Дулиттл была на кухне: на плите ещё шумел кипящий чайник. Она возвращалась через спальню, когда негодяй, незаметно проникший через парадную дверь, набросился на неё со спины и с размаху ударил кочергой, схваченной у очага. К несчастью, хозяйка, чтобы лишний раз не ходить открывать, обычно не запирала входную дверь, пока ещё могли прийти заказчики.

Началась ли борьба сразу после нападения или позднее, предстоит решить врачам. Но о том, с какой яростью она велась, говорят и следы стиснувших горло пальцев, и кровь по всему дому. Если бы злодей тащил женщину в рабочую комнату, оттуда на кухню, а потом снова к месту нападения, картина не могла бы быть страшнее. На полу повсюду валяются клочья её одежды, разорванной безжалостной рукой. В спальне, где она наконец испустила последний вздох, среди них обнаружены крупные, но ничего не стоящие стеклянные бусы. У самого плинтуса лежит нитка, на которой они держались: это видно по нескольким оставшимся на ней бусинам. Если, срывая бусы с шеи, убийца надеялся поживиться чем-то ценным, то, разочаровавшись, он пришёл в ярость. Почти видишь, с каким бешенством он швырнул это жалкое подобие ожерелья в стену, а потом пинал и топтал раскатившиеся бусины.

Нажива! Вот что его влекло: отыскать и унести предполагаемые накопления бедной рукодельницы. Сцену трудно описать. Некоторые полагают, что он таскал ещё живую женщину с места на место, требуя выдать тайники под угрозой новых ударов. Не добившись ответа, прикончил её и продолжил поиски один. Едва ли можно сильнее разорить дом и имущество бедной женщины. При всём том преступник настолько заботился о собственной безопасности, что не оставил ни отпечатка пальца, ни иного следа, по которому его можно опознать. Даже следы шагов, позволяющие восстановить его передвижения примерно в изложенном порядке, столь бесформенны и расплывчаты, что мало о чём говорят следователю.

Эти пятна — следами ног их не назовёшь — не только пересекают прихожую, но и видны в нескольких местах на лестнице. Значит, убийца не ограничился нижним этажом. Пожалуй, одна из самых любопытных особенностей дела — путь, который, судя по этим пятнам, он проделал в ярости по верхним комнатам. Как видно на прилагаемом плане [план мы опускаем], сначала он прошёл в большую переднюю комнату, затем в заднюю часть дома, где находятся ещё две. Одна не отделана, забита скопившимися вещами, и большую часть их он оставил разбросанной по полу. Другая оштукатурена, с окном в боковой проулок, но без всякой мебели и даже без ковра на голых досках.

Зачем он вошёл в эту последнюю комнату и подошёл к окну, поймёт всякий, кто знаком с обстановкой. В передней комнате окна плотно закрыты ставнями. На чердаке они заставлены ящиками; подойти мешают старые комоды и выброшенные стулья. Только это окно оставалось свободным. Соседний дом через проулок заслонял свет, и всё же лишь здесь, в поздний час, можно было разглядеть предмет, в ценности которого убийца сомневался. Что он действительно нашёл такой предмет и принёс к окну для осмотра, весьма убедительно показывает старая, потёртая кожаная бумажница, обнаруженная на полу прямо перед окном. Она говорит и о его алчности, и о неудаче. Когда бумажницу подняли и раскрыли, внутри оказалось не меньше двухсот долларов старыми банкнотами. Даже если это не все сбережения трудолюбивой хозяйки, сумма стоила того, чтобы её забрал человек, рисковавший шеей ради одной лишь кражи.

Эта бумажница и бегство убийцы, бросившего её, придают делу, которое иначе было бы только жестоким, особый драматический интерес. Его оценят и опытные сыщики, уже идущие по горячему следу, и все пытливые умы, желающие разгадать тайну гибели столь достойной женщины. Перед полицией встаёт задача…»

Здесь Вайолет остановилась.

Вскоре великолепный лимузин Питера Стрейнджа остановился у маленького дома на Семнадцатой улице. Его появление произвело настоящую сенсацию: и среди зевак на тротуаре, и среди двух находившихся внутри людей — дежурного полицейского и задержавшегося репортёра.

Хотя Вайолет Стрейндж надела самый простой костюм, она выглядела слишком модной, слишком юной и беззаботной, чтобы её появление на месте отвратительного, жестокого преступления можно было встретить равнодушно. Молодой человек, сопровождавший девушку, тоже казался совершенно чуждым этому миру вины и ужаса. Как шепнул дежурный сыщик своему спутнику, такого гостя куда лучше было бы оставить в автомобиле.

Но Вайолет свято чтила приличия, и юный Артур вошёл вслед за ней.

Вайолет появилась эффектно, как на сцене. Ещё на тротуаре она подняла вуаль; необычное лицо и робкий вид были очень привлекательны. Человек, придерживавший дверь, заметил впечатление, произведённое на его товарища, и лукаво пошутил вполголоса:

— Думаете, ничего ей не покажете? Ставлю пятёрку: она захочет увидеть всё, а вы ей покажете.

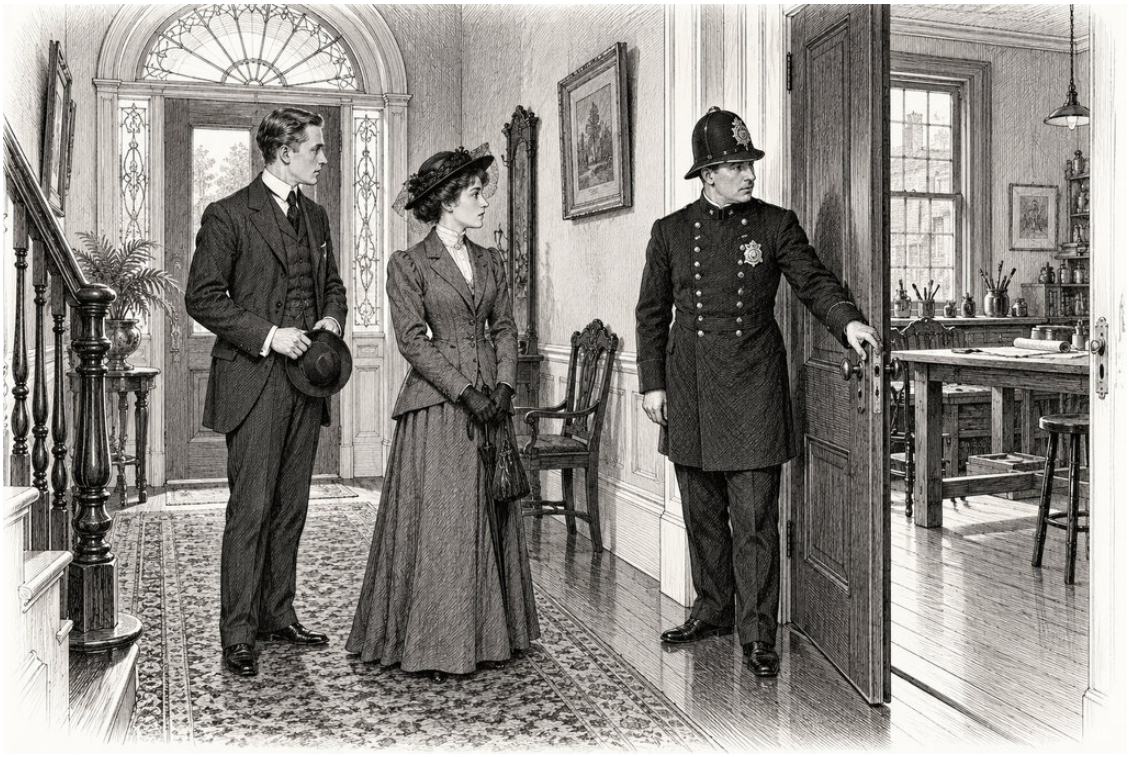
Сыщик пожал плечами, стараясь отделаться этим жестом, но усмешка вышла весьма выразительной.

А Вайолет? Даже в лучшие дни эту прихожую нельзя было назвать приветливой — пусть бы и с величавой сдержанностью старого дома. После яркого солнечного света она казалась особенно мрачной. Сквозь цветные стёкла по обеим сторонам входа лился зловещий зеленоватый свет, словно обещая впереди ещё больше уныния.

— Мне надо туда? — спросила она, великолепно разыгрывая нервное волнение и указывая на полузакрытую дверь слева. — Это случилось там? Артур, как ты думаешь, это случилось там?

— Нет, нет, мисс, — поспешил заверить её полицейский. — Если вы мисс Стрейндж… — Вайолет кивнула. — Вам, конечно, известно, что женщину ударили в спальне. А эта дверь ведёт в гостиную. Или, как она сама сказала бы, в рабочую комнату. Входить туда не бойтесь: ничего не увидите, кроме беспорядка среди коробок. Их основательно перетряхнули. Впрочем, не все, — добавил он, наблюдая за ней так внимательно, как позволял полумрак. — Одну,

кажется, не трогали. Она завёрнута в бумагу и подписана вам. Само по себе это не привлекло бы нашего внимания, если бы мужской рукой на ней не приписали: «Отправить не вскрывая».



— Как странно! — воскликнула маленькая притворщица, широко раскрыв глаза с видом простодушной невинности. — Что бы это могло значить? Уж наверняка ничего серьёзного: ведь эта женщина даже не была со мной знакома. Работу ей поручила мадам Пиро.

— А вы не знали, что её будут делать здесь?

— Нет. Я думала, вышивают девушки, которые служат у самой мадам Пиро.

— Значит, вы удивились…

— Ещё бы!

— Когда получили наше сообщение.

— Я не знала, что и думать.

Серьёзный, чуть обиженный взгляд, с которым она произнесла эти слова, сделал своё дело. Сыщик принял её за ту, кем она казалась, и, не заметив насмешливого жеста репортёра, подошёл к двери рабочей комнаты. Распахнув её, он сказал:

— Будьте добры, вскройте коробку при нас. Несомненно, всё в порядке, но мы хотели бы убедиться. Вы знаете, что там должно быть?

— О да, конечно. Наволочки и простыни с большой вышитой буквой S.

— Хорошо. Развязать вам бечёвку?

— Буду очень признательна, — ответила она. Её взгляд быстро обежал комнату и лишь затем остановился на узле, который полицейский ловко распускал.

Брат, равнодушно заглядывавший из дверей, едва заметил этот взгляд. А стоявший за его спиной репортёр заметил — только проницательности в нём не распознал.

— Ваше имя на другой стороне, — сказал сыщик, снимая бечёвку и переворачивая свёрток.

Уголки её губ чуть приподнялись. Но не в ответ на эти слова: под своим именем она узнала почерк нанимателя. «Отправить не вскрывая». Она его разгадала верно.

— Крышку, пожалуй, снимете сами? — предложил полицейский, освободив коробку от обёртки.

— О, отчего же нет. Стыдиться вышитого белья нечего. Или вы ищете вовсе не его?

Никто не ответил. Все смотрели, как она сдёрнула крышку и вынула стопку простыней и наволочек, которыми коробка была набита доверху.

— Развернуть их? — спросила она.

Сыщик кивнул.

Она взяла верхнюю простыню и встряхнула, расправляя. Потом следующую, ещё одну — пока не добралась до самого дна коробки. Ничего подозрительного не обнаружилось. Ни коробка, ни её содержимое не таили никакой загадки. Разумеется, именно этого и ожидали. Но улыбка, с которой Вайолет принялась складывать бельё и бросать его обратно, открыла одну ямочку на щеке. Даже одна бывала для случайного наблюдателя почти так же опасна, как обе сразу.

— Вот, видите! — воскликнула она. — Домашнее бельё, как я и говорила. Теперь мне можно домой?

— Разумеется, мисс Стрейндж.

Сыщик украдкой лукаво взглянул на репортёра. Значит, ужасами она всё-таки не заинтересовалась.

Но репортёр ничуть не утратил понимающего вида. Заговорив об уходе, она и не думала двигаться к выходу: всё оглядывала комнату, пока наконец не остановилась взглядом на длинной тёмной шторе, закрывавшей соседнее помещение.

— Наверное, она лежит там, — прочувствованно сказала Вайолет. — И никто из вас не знает, кто её убил. Не понимаю я этого. Почему вы не знаете, если вам за это платят?

Простодушие, с которым она произнесла эти слова, было поразительным. Сыщик смутился, а репортёр отвернулся, пряча улыбку. Заговорил бы кто-нибудь из них в следующую минуту, сказать нельзя. Вайолет уже сделала вид, будто поняла, что сболтнула глупость, схватила со стола свой зонтик и направилась к двери.

Но, разумеется, оглянулась.

— Я вот думаю, — снова заговорила она, отчасти задумчиво, отчасти с любопытством, — не попросить ли разрешения взглянуть на место, где всё случилось.

Репортёр хмыкнул, прикрывшись кончиком карандаша, который грыз. Полицейский сохранил серьёзный вид — и через минуту наверняка был благодарен себе за сдержанность. Вайолет вдруг резко вздрогнула, и дрожь эта была не совсем притворной.

— Но я не вынесу такого зрелища! — горячо добавила она. — Нет, не вынесу. В таких вещах я ужасная трусиха. Ни за что на свете не соглашусь смотреть ни на женщину, ни на её комнату. А вот… — Обе ямочки обозначились на щеках, хотя улыбкой это не назовёшь. — Мне бы одним глазком взглянуть наверх. Туда, где он столько времени рылся и, кажется, нисколько не боялся, что ему помешают. С тех пор как я об этом прочла, всё вижу его мерзкую фигуру: крадётся из комнаты в комнату, вытаскивает ящики, выбрасывает вещи из шкафов. И всё ради каких-то денег. Каких-то жалких денег! Сегодня не усну, буду гадать, как на самом деле выглядят эти комнаты под крышей.

Кто мог догадаться, что за смесью ребячества и дерзости скрываются цель, ум и тонкое понимание людей? Только не двое мужчин, слушавших её будто бы беспечную болтовню. Для них она была ребёнком, которому следует потакать. И они потакали. Маленьким ножкам, уже добравшимся до мрачной лестницы, позволили подняться. Правда, следом пошёл полицейский. Улыбнуться репортёру в ответ он не решался: брат девушки смотрел настороженно и отнюдь не дружелюбно.

Наверху она остановилась и оглянулась.

— Я не вижу тех ужасных следов, которые, как пишут газеты, тянутся по всей нижней прихожей и по лестнице.

— Нет, мисс Стрейндж. Они постепенно истёрлись. Но кое-что наверху ещё видно.

— О! Где? Вы меня пугаете. Ужасно пугаете! Но… но, если вы не против, я бы посмотрела.

Почему бы человеку на скучном дежурстве немного не развлечься? Он проводил её в маленькую заднюю комнату и указал на доски. Вайолет взглянула и осторожно переступила порог.

— Вы только посмотрите! — воскликнула она. — Целая цепочка прямо от двери к окну. Совсем без формы, правда? Одни пятна. Интересно, почему одно намного больше остальных?

Вопрос был не новым. Его задавал почти каждый, кто входил в комнату: ближайшее к окну пятно так сильно отличалось от прочих и величиной, и видом. А причина… Тут мнения расходились. Убедительного объяснения не нашлось ни у кого, и сыщик благоразумно промолчал.

Мисс Стрейндж, кажется, нисколько не обиделась. Напротив, получила возможность вдоволь поболтать.

— Один, два, три, четыре, пять, шесть, — посчитала она, вздрагивая при каждом слове. — И одно больше остальных.

Она могла бы добавить: «Это следы одной ноги, к тому же странно перемешанные». Но не добавила. Хотя, можно не сомневаться, это обстоятельство заметила.

— А старая бумажница где лежала? Где именно? Здесь? Или здесь?

Говоря это, она двигалась по комнате, и при последнем «здесь» оказалась прямо перед окном. То, что она увидела, едва не заставило её забыть свою роль. По освещению в комнате Вайолет ожидала обнаружить напротив близкую стену, но никак не окно в ней. А увидела именно окно. Через старинный узкий проулок, разделявший два дома, на неё смотрели двенадцать ничем не закрытых стёкол: ни ставен, ни занавесок. За ними темнела комната, почти такая же пустая и унылая, как та, где она сейчас стояла.

Когда Вайолет снова вполне овладела собой, то позволила части удивления отразиться на лице.

— Вы только посмотрите! Отсюда видно прямо в соседний дом. Какое унылое место! Судя по запустению, я бы решила, что там вообще никто не живёт.

— Так и есть. Это старый дом Шафферов. Уже год стоит пустой.

— Ах, пустой!

Она отвернулась с самым легкомысленным видом. Снизу донёсся зов, и Вайолет тут же откликнулась:

— Это Артур меня зовёт. Наверное, считает, что я здесь достаточно пробыла. Я вам очень признательна, офицер. Ночью я бы глаз не сомкнула, если бы не заглянула сюда. Комнаты-то я представляла совсем другими!

Ещё один взгляд через плечо — словно сквозь оба окна в пустое пространство за ними, — и она быстро выбежала и спустилась, отвечая на повторный зов брата.

— Поезжайте скорее! Как можно скорее, не нарушая правил, в контору Хайрама Брауна на Дуэйн-стрит.

У названного дома она вышла и одна отправилась к мистеру Брауну. Он был адвокатом её отца и другом семьи.

Едва дождавшись его ласкового приветствия, она торопливо заговорила:

— Скажите, как мне что-нибудь узнать о старом доме Шафферов на Семнадцатой улице? Только не смотрите так удивлённо. У меня есть очень веская причина спрашивать, и… и я ужасно спешу.

— Но…

— Знаю, знаю. Рядом произошла страшная трагедия. Но я хочу узнать о самом доме Шафферов. Кто им занимается? Есть у него управляющий, какой-нибудь…

— Разумеется, есть. Вот его имя.

Мистер Браун протянул ей карточку, на которой наскоро написал имя и адрес.

Она поблагодарила, сделала шутливый и очень милый реверанс, шепнула: «Только не говорите отцу» — и исчезла.

Со следующим собеседником Вайолет держалась совсем иначе. Увидев его, она вернулась к обычным светским манерам. С лёгким самомнением дебютантки, привыкшей к успеху, представилась мисс Стрейндж с Семьдесят второй улицы. Хотела она поговорить о возможности снять дом Шафферов. Одна её пожилая подруга желала бы поселиться в нижней части города.

Проезжая по Семнадцатой улице, Вайолет заметила, что старый дом Шафферов пустует, и сразу подумала, как удобно было бы там её пожилой подруге. Уж не сдаётся ли он? Объявления об этом нет, но… И так далее.

Ответ не оставил надежды.

— Его собираются сносить, — сказал управляющий.

— Ах, как жаль! Настоящий колониальный стиль, правда? Хотела бы я взглянуть на комнаты, прежде чем дом тронут. Какие там, должно быть, двери! Какие прелестные старинные камины! Обожаю колониальный стиль. Сразу представляешь давние времена: свадьбы, приёмы… Совсем не такие, как у нас, и гораздо интереснее.

Бывает ли, что случайный выстрел попадает в цель? Бывает. Вайолет сказала это только как вступление к намеченной просьбе, но ничто не помогло бы ей больше одного слова — «свадьбы». Управляющий засмеялся и впервые посмотрел на неё снисходительно и добродушно.

— Романтика не осталась в давних временах. Попадите вы сегодня в этот дом, обнаружили бы следы свадьбы ничуть не менее романтической, чем любая другая за семьдесят с лишним лет его существования. Позавчера там обвенчались мужчина и женщина, которые сорок лет назад впервые полюбили друг друга под этой крышей. За это время он успел жениться дважды, она — один раз. Но старая любовь не угасла. Теперь, когда обоим уже за шестьдесят, они соединились, чтобы дожить дни в мире и счастье. Будем надеяться, так и выйдет.

— Обвенчались! В этом доме? И в тот самый день, когда…

Она вовремя спохватилась. Он обрыва не заметил.

— Да. Полагаю, в память о давнем ухаживании. Около пяти они приехали сюда, взяли ключи, уехали, обвенчались в пустом доме и вернули мне ключи уже на квартиру. Потом сели на пароход до Неаполя. Ещё до полуночи они были в море. Согласитесь, и быстро, и чрезвычайно романтично.

— Очень.

Вайолет побледнела. С ней это случалось при сильном волнении.

— Но я не понимаю, — добавила она немного погодя. — Как им удалось всё устроить так, что никто ничего не узнал? Я бы думала, об этом непременно напишут в газетах.

— Это тихие люди. Думаю, они и ближайшим друзьям не сказали. На следующий день в газетах появилось лишь краткое объявление о браке. И всё. Я бы тоже не счёл себя вправе рассказывать подробности, если бы они уже не были далеко по пути в Европу.

— Как я рада, что вы всё-таки рассказали! Какая верность! Как крепко старые воспоминания держат чуткие души! Но…

— Что такое, мисс? Что случилось? Вы так встревожены.

— Разве вы забыли? Разве не подумали? В тот же день, почти в то же время, в этом квартале случилось ещё кое-что. Нечто ужасное…

— Убийство миссис Дулиттл?

— Да. Это ведь совсем рядом, в соседнем доме? О, если бы счастливая пара знала…

— К счастью, они не знали. И вряд ли узнают, пока не доберутся до другого берега. Не бойтесь, их медовый месяц это не испортит.

— Но перед отъездом они могли что-нибудь услышать или увидеть. Вы заметили, как выглядел этот господин, когда вернул ключи?

— Заметил. Его счастье ничто не омрачало.

— Ах, как вы меня успокоили!

На свежих щеках мисс Стрейндж проступили одна, потом вторая ямочка.

— Что ж, желаю им счастья. Не назовёте их имена? Не могу представить их настоящими людьми, пока не знаю, как их зовут.

— Господин — Константин Амидон, дама — Мэриан Шаффер. Теперь вам придётся представлять их мистером и миссис Амидон.

— Так и буду. Спасибо, мистер Хаттон, большое спасибо. Конечно, я была бы рада снять дом для подруги, но узнать такую прелестную историю, связанную с ним, почти так же приятно.

Она протянула руку, а когда он взял её, заметила:

— У них ведь должны были быть священник и свидетели.

— Несомненно.

— Хотела бы я быть одной из свидетельниц, — сентиментально вздохнула она.

— Свидетелями были два старика.

— О нет! Не говорите так.

— Старые чудаки, не иначе.

— Но священник? Он-то наверняка был молод. Должен же был там найтись хоть кто-нибудь, способный оценить всю прелесть события!

— Не могу сказать. Священника я не видел.

— Ну и пусть. Неважно. — Мисс Стрейндж была так же беспечна, как очаровательна. — Будем считать, что он был очень молод.

Она весело вскинула голову и упорхнула.

Но в лимузине очень быстро посерьёзнела.

— Алло!

— А, это вы?

— Да. Мне нужно отправить радиограмму.

— Радиограмму?

— Да, на «Критик». Он отошёл от пристани в ту самую ночь, которая нас так интересует.

— Хорошо. Кому? Капитану?

— Нет, миссис Константин Амидон. Но сначала убедитесь, что такая пассажирка действительно есть.

— Миссис? Что у вас за мысль?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.